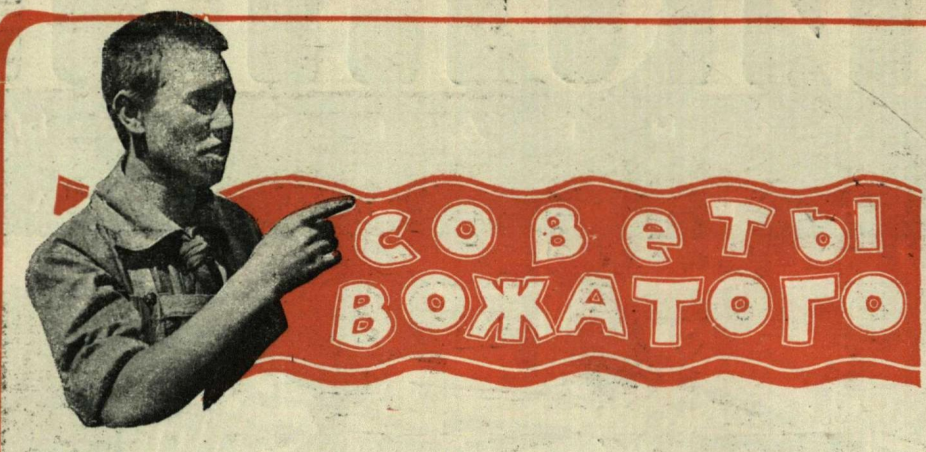
ПИОНЕР

22

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

МОЛОДАЯ 1 9 2 5 ГВАРДИЯ

Что делать зимой деревенским пионерам

Холодно становится на улице. Отзвенело красное лето. Улетели ласточки, дикие гуси, утки в далекие заморские страны. Белой пеленой покрывается земля-матушка...

Меньше в деревне дел теперь будет—отошла горячая пора. Скоро потянутся и длинные зимние вечера. Побольше тогда времени будет у деревенских пионеров.

Как раз зимой-то в деревне пионеры и могут развернуть во всю ширь свою работу.

В зимнее время самым важным делом пионеров будет борьба за знание, за грамотность. Пионерам много надо за зиму узнать: о комсомоле, его теперешней работе, о том, как появился комсомол. Надо понять за зиму, куда ведет всех партия коммунистов и когда и как можно будет создать в деревне легкую счастливую жизнь. Узнать об этом надо из бесед вожатого, избача, учителя. Книжки тоже многое расскажут. Только заранее книжки достать надо—из избы-читальни, от городских пионеров или обмениваясь с другими отрядами.

Кочан капусты весом в 15 кило с пионерского огорода на биостанции в Москве

Беседы, чтения хорошо проводить в своем пионерском клубе. Без своей пионерской комнаты работа не пойдет. Надо как можно лучше украсить свой клуб и держать его постоянно в чистоте.

Почти все пионеры будут зимой учиться в школе. Значит, мимо школы не пройдешь. Надо и в школе пионерам повести свою работу. Прежде всего необходимо помочь школе сделать помещение школы теплым, а для этого нужно во-время заготовить и привезти дрова. Сломанные парты надо починить. Нет учебных пособий, моделей,—надо помочь учителю изготовить их своими силами.

Много усилий придется положить на то, чтобы организовать жизнь учеников в школе. Чтобы не было среди ребят драк, хулиганства, ссор между мальчиками и девочками. Надо приучить всех ребят смотреть на школу не так, как собака на палку. Школа и ее жизнь есть общее дело всех ребят. И нельзя говорить «моя хата с краю—вышел из школы—ничего не знаю». Каждый из крестьянских ребят должен заботиться о школе, беречь ее. Ведь школа дает знания, с которыми потом придется самому строить жизнь.

Войну с грязью в школе тоже надо затеять. Проветривать во-время комнаты, следить, чтобы не было больных, чтобы имелась кипяченая вода для питья. Хорошо также упросить родителей, чтобы в школе для ребят устроить горячие завтраки.

Конечно, вся эта работа не удастся, если пионер в своей учебе не будет примером для ребят.

При помощи школьников надо будет начать обучать грамоте неграмотных ребят и пионеров, которые не могут учиться в школе.

Хоть зимой земля и покрыта снегом, а все же в отряде можно занятия по сельскому хозяйству устраивать. Не только беседы интересные послушать надо о том, как землю урожайной сделать, но и работу какую проводить можно. Взять хотя бы вот что—всем пионерам утеплить хлевы для коров у себя. Коровы станут гораздо больше молока давать. Тут много поможет совет местного передового крестьянина.

Не забыть надо зимой и горку для катанья устроить. В свободные дни можно организовать вместе со всеми ребятами игры, катанье, прогулки в другие отряды.

А где ребята устраивают детские посиделки, там надо стараться проводить свои пионерские вечорки. Спайку со всеми ребятами надо держать крепко. Правильно вести зимнюю работу в деревенском отряде можно лишь при одном условии,—если отряд будет работать по звеньям, во-время (раз в неделю или в две) созывая совет отряда и отрядный сбор.

А. Волков.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—5 р. 60 к.
" 6 " —2 " 95 "
" 3 " —1 " 55 "
" 1 " — " 60 "

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК РЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия"

№ 22 — 20 Ноября — 1925 г.

Михаил Васильевич **ФРУНЗЕ** (скончался 31 октября 1925 г.).

К. Минаев

Рис. худ. Э. Гринвальда.

Летуны

1. Уговор

У Горы отец авиатор. В кожаных сапогах, брюках. Тужурка с меховым воротником. Шапка с ушами. Схватит сына, подкинет на колени.

— Ну, как товарищ,—спрашивает,—полетишь со мной?..

Гора быстро:

— Полечу.

— А не боишься?

Пришел отец с работы. Умывается. Переоделся и сел за стол обедать.

— Мать!—говорит он прожевывая хлеб,—Горку я с собой беру.

Мать разливала суп, остановилась с ложкой на полдороге. Удивленно посмотрела:

— Ну, как бы еще! Ты выдумаешь.

А отец, нагнувшись над тарелкой, моргает Горке.

— Поедем... Не бойся!

Гора рад, знает, что отец сдержит слово.

Мама кусает губы.

— Гора!—на сына—не болтай ногами. Ешь! И не кроши под столом.

— Я не хочу есть.

— Не хочешь—вылезай.

Горке того только и надо. Скорей на улицу к товарищу.

— Валька, Валька! Я еду с папой на аэроплане!

Вальке завидно.

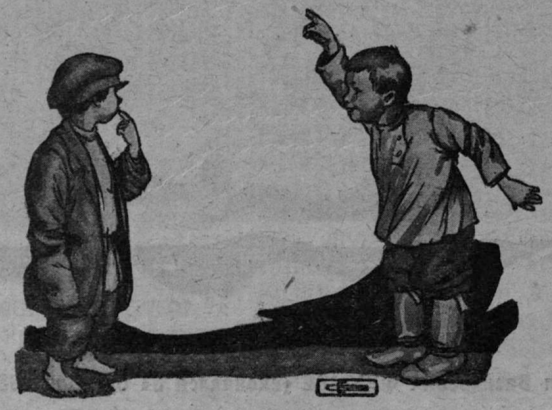
— Ну, да, полетишь. Рассказывай...

— Мама с папой уже скольк. раз летали и летом и зимой А я еще нет.

Валька молчит.

2. Летучая машина

Далеко от города, верст за тысячу или две, в одной деревушке жили были деревенские ребята: Кирюха, Илюшка, Филин, а звали его так потому, что у него были круглые глаза и уши торчали, как у филина. Еще ребята, Иван Конопатый, да Аркашка.

Валька! Я еду с папой на аэроплане

Любил Кирюха с Филином плотины прудить, весь день бывало возятся в грязи, колодцы какие-то роют.

А то начнут мельницу строить. Бочку найдут, ось в нее вставят, крылья приделают. Только не вертится сама мельница от ветра, приходится вертеть руками.

Как-то на праздники сидел в гостях у Кирюхиной матери Пашка Кривой—писарь сельсовета. Пил чай и рассказывал, что «есть-де, мол, такие машины, аэропланты, на которых будто бы люди по воздуху летают».

Вытаращил Кирюха на Павла глаза.

— Как же это летать?—думает.—Посмотри вот телега легче машины-то, а ее нешто сдвинешь с места?.. А тут летать...

Ефим Кочетков, тоже гость, допил пятый стакан.

— Благодарствую за угощенице,—проговорил он, оправляя свой поясок—да... аэроплант это такое дело... Очненно их много было на фронте...

Ефим Кочетков недавно пришел из Красной армии. Много повидал кой-чего.

— Да... Бывало, как стая вороньев кружит над твоей головой. Идем этта мы в наступление у польской границы. Вдруг—жужжит. Что такое? Задрали головы—не видать. Слышим команда.

— Рас-сыпайся... а...

А сверху бомбочки.

— Трах... трах...

Мы кто куда...—и начал рассказывать Ефим, как было дело на фронте.

Заслушался Кирюха про летучую машину, всю охоту к другим забавам отбило. Пристает к Пашке Кривому:

— А какие у этого аэроплана крылья и хвост? Длиннущий, верст десять?

— Эх, Кирюха, елова голова!—засмеялся Пашка—совсем без хвоста, а только с рулем. В этом-то и вся штука...

И прищелкнул пальцем.

3. Отец за Горку

Уже весна. Земля за городом покрылась новой зеленой травой. Бегает Гора с отцом на аэродром, пристает к нему каждую минуту.

— Папа, когда полетим?.. Пап...

— Постой, Горка,—успокаивает отец,—потеплеет маленечко. Тогда тронемся...

— А куда пап, куда?—опять жеребенком около него.

— В деревню. Далеко. Вот я жду маршрут, путевку.

Гора, сломя голову, к матери.

— Мам! Мы с папой в деревню летим.

Мама сердита.

— Ты, Гора, лучше не думай. Я тебя никуда не пущу.

Горка в рев, до отца плакал. Отец не выдержал.

— Ах, Нюта!—крикнул он на жену.—Что ты расстраиваешь мальчишку? Мамкиным сынком хочешь его сделать? Давай ему больше развиваться, свободы. Небось голову не свернет...

Отец долго бранился с матерью, а Гора в своей кровати не мог заснуть.

— Мама... Мамочка. Пусти...—шептал он, засыпая.

4. Затейщик Кирюха

Аэроплан совсем сбил спанталыку Кирюху. Начал парень бумажные змеи клеить. Сидит на полу и только и режет планки. Из муки клей замешивает.

Бумаги у того же Пашки Кривого выпросил, он как секретарь—много бумаги всякой держит. Большую газетину дал.

Филин тоже большой мастак насчет змеев. Умеет с трещотками делать.

У Кирюхи одна дума—аэроплан. Чешет вихры.

— Ну, вот тебе змей!—рассуждает—пусти его навстречу ветра и взовьется как голубь. А как же люди-то тут? Где сидят?..

Взял Кирюха к змею своему прилепил такую сумочку, насовал всяких жучков, да букашек и червяков. Ну, что же? Полетели кверху. Все, значит, от ветра зависит.

Еще лучше можно сделать. Если змей с фонарем, под небо запустить?

Ребята согласились сообща змей такой делать. Ванька Конопатый у бабки свечку — огарок, стащил. Пристроили... У Илюшки спички.

— Вечером пущать будем!— решил Кирюха,—только, Филин, давай длиннее бечевку: твою и мою вместе.

Долго у них не выходило. Только пустят—тухнет. Наконец, Кирюха догадался откуда ветер задувает, заделал беду.

Вот и запустили ребята на выгоне. Летит змей с огненным глазом, виляет хвостом.

Ребята плясать.

— Змей Горыныч! Вот так Кирюха!

Выбежали бабы смотреть на затею ребят.

— Ровно звезда какая...—удивляются, качают головой. Старухи крестятся.

Уже совсем стемнело. Пора на ужин звать. Старики на завалинках сидят. Бросили про свои дела рассуждать, на змей поглядывают.

— Ишь ты, до чего додумались... Шуты гороховые.

Но вдруг фонарь стал моргать.

— Сматывай!—кричит Кирюха—свеча, значит, догорела.

Нечего кричать теперь. Поздно. Змей оторвался от бечевки, и горящим комом, полыхая и кувыркаясь в воздухе, пошел книзу.

— Горит!.. Горит!..

Бросились за ним. Змей, все ярче загораясь, опустился на крышу большой избы.

— Караул! Батюшки! Горим!...—выбежали бабы из ворот.

Кто с ведрами, кто с вилами. На крышу полезли. Затушили.

— Хорошо, что на соломенную крышу не сел,—охали мужики,—а то такого нам красного петуха пустили бы...

— Гляди, какой ветер... Всю деревню на смарку бы...

Филин Илюшка и Конопатый уже давно дали стрекача.

А Кирюха попался деду Нефеду.

— Вот тебе,—волтузил его за вихры дед Нефед—вот тебе, затейщику...

Здорово досталось Кирюхе.

Бросились за ним. Змей, все ярче загораясь, опустился на крышу большой избы

5. В путь - дорогу

Утро вечера мудреннее. Наперед не загадывай!—так всегда Горин отец приговаривает.

Вчера одно говорили, а сегодня по-другому вышло. Приходит отец домой, бросает свои большие рукавицы, кричит Горке.

— Ну, товарищ! В субботу мы того... отправляемся.

И вот до тех пор, пока мать не сдавалась—не раз ревел Гора, а теперь, когда увидела, что дело не на шутку, стала собирать их в путь-дорогу.

— Наверху, холодно,—рассказывает отец,—одевай его теплее.

Мама сшила настоящую шапку-финку с ушами. Ходит Горка в своей финке и хвалится перед Валькой.

— Вот видишь, мы и улетаем!..

В последнюю ночь Гора в своей кровати уже летел по воздуху, размахивая руками и ногами

Проснулся чуть свет и, надев свою финку, ждал, когда отец проснется.

6. Московские гости

Весь день ребята на лугу играли, Кирюха—коноводом. И когда солнце стало меньше припекать и тени от деревьев становились длиннее, ребята, искупавшись в последний раз, собрались домой итти.

Место ровное, большое. Ранней весной сколько здесь колокольчиков лиловых, сколько полевого луку. Ешь—не наешься. А сейчас щавелю много.

Вдруг Кирюха повернул голову. Не то трещит что-то, не то шипит. Затихнет и снова начнет трещать.

Вертят ребята головами туда-сюда, вверх-вниз,—нет, ничего не видно. Трещит, да и на!

Филин первый заметил.

— Гляди-ка, суды летит...

На солнце больно глядеть, наставили руки к глазам, вправду видно: большая серая птица летит.

— Кто это?..

А птица все кружится над лугом, блестит на солнце, фырчит сердито...

— Гляди, гляди! Крыльями не машет, повороты делает...

— Суды прет, суды!..—визжит Илюшка.

Птица пофыркивает, дым из себя испускает. Целое облако... И вдруг прямо на них, и не птица уже, а что-то не то ящик, не то рыдван.

Проснулся чуть свет и, надев свою финку, ждал, когда отец проснется.

— Это чудо-юдо!.. Тягай дальше. Сядет и придавит... Одно мокрое местечко останется...

Илюшка с визгом летел к опушке. За ним Аркашка, Ванька Конопатый. А Кирюха, как остолоп, вроде прирос к земле.

— Беги Кирюха!.. Слопает!..

Так и есть садится. Кирюха тоже дал стрекача.

— Фры... ы... Фры... ы...

Оглянулся, видит, уже чудо-юдо катится на колесах по полю. Впереди на носу вертится в роде мельницы и все тише, тише, пока совсем не перестало.

Ребята сидят в кустах. Все видно. Вон вылезают из ящика черные люди. Двое. На шапках большие очки блестят. В рукавицах. Обходят чудо-юдо.

Стоят, разговаривают. На деревню рукой показывают.

Кирюха тихонько вылез из-под куста. За ним Филин. Зайцами поглядывают.

Их заметили. Стали рукой махать.

— Эй, эй!..

Илюшка шикает в кустах.

— Пригнись, Кирюха, пригнись... Утащит и слопает.

Черные люди пошли к опушке.

— Эй, ребятишки! Иди сюда!..

Кирюха за одно дерево с Филином.

— А вы кто такие?—крикнул он.

— Мы?... Мы из городу, из Москвы. Да что вы там прячетесь? Не бойся!..

— А зачем вы к нам приехали?—спрашивает Филин.

Черный высокий еще ближе подошел.

— Ребятишки! Где у вас тут сельсовет?

Высокий человек, как человек. Говорит просто, не страшный. Только одежа больно у него чудная. Вся кожаная, шапка с ушами и на лбу стекла.

— Мы летчики. Из города. У нас аэроплан испортился.

Тут уж больше криков ребят Кирюха не слышал—он бежал. Прямо к аэроплану. Навстречу из деревни на выгон тоже бежали мужики и бабы.

Окружили сразу. Осмелились, давай щупать и ковырять. Машина горячая, чуть-чуть поднимался пар кверху.

Высокий летчик открыл дверцу в боку аэроплана, закричал кому-то:

— Ну, Гора, вылезай! Приехали...

Вышел мальчик с белым лицом, в чудной шапке, такой же, как и у летчиков.

— Мы развозили литературу,— рассказывают гости-летуны.—Бензин из бака потек. И чтоб хуже не было, решили снизиться. Увидели хороший ровный луг, вот и спустились.

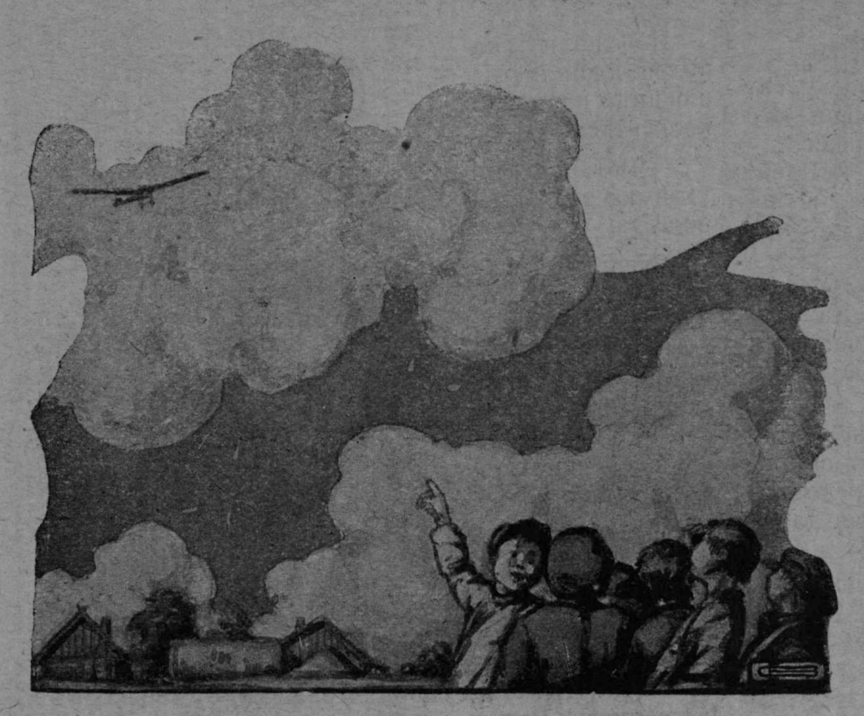
7. Новый товарищ

На другой день, чуть свет, народ уже вертелся около московских летунов. Кирюха с товарищами впереди всех. Во все штуки заглядывают. Ползают на корточках, винтики, паклю подбирают. Бензин понюхали.

Другой, пониже, летчик-моторист кряхтит и вздыхает. Весь измазался в бензине и масле. С щипцами в руках рылся в стальном брюхе аэроплана. Сердится—дело не выходит.

— Тьфу!.. Придется все разбирать... Задержимся с неделю—бурчит он—отойди отсюда мальчики! Не мешайте!

Ребята на секунду шарахались, а потом опять снова подбирались.

На солнце больно глядеть, наставили руки к глазам, вправду видно: большая серая птица летит

Около высокого летчика все время жался белый мальчик. Поглядывал с недоверием на деревенских ребят.

— Эй, ты!—поймал высокий Кирюху,—ты, кажется, парень смышленый... Вот вам, ребята новый товарищ,—казал он на Гору,—ступайте, играйте, а здесь и вправду не мешайте...

Гора исподлобья поглядывал на ребят. Кирюха подошел первый.

— Тебя как звать?—шмыгнул он носом.

— Гора.

— А меня Кирюха. Пойдешь купаться?

Гора молча кивнул головой.

Моторист опять заругался:

— Ну, айда отсюда!—махнул он рукой.— Не до вас тут... Пшли!

Ребята побежали к реке. Илюшка впереди, на ходу стаскивает рубаху.

— Ты не умеешь плавать?—спрашивает Кирюха Гору.

— Нет.

Вот и речка. Не особенно глубокая, мужику по горло, а чистая. Главное—мягкое дно, выстлано песком. На том берегу росли ветвистые ивы, а дальше тянулись сады. Ребята поскидали портки и сложили в кучу.

— Ты какой белый...—проговорил Филин, разглядывая Гору,—а что у тебя креста-то нет?

Гора оглядел ребят. У них, у всех на шее медные и костяные кресты на шнурках.

— Мы не веруем. У нас в городе бога нет—ответил Гора—и в школе нас так учат.

— У тебя отец ништо коммунист?

— Нет. Мой папа красный летчик—рассказывает Гора.—Папу на плакатах рисовали. Расклеивали по всему городу.

Илюшка уже болтыхался в воде. Кричал издалека:

— Тут с головкой!—Поднимал руки кверху и тонул в воде. Потом всплывал и кричал:

— Гляди, я по-лягушачьи умею плавать.

— А ты как пароход,—просил Филин.

Илюшка фыркал, брызгал ногами, плыл, как пароход.

А Филин нырял рыбой и только ноги мелькали над водой. Доставал рукой песок со дна.

— Горька!—кричал Кирюха,—плыви сюда.

Горка по колено в воде, полз по дну и отчаянно болтыхал ногами.

— Ты руками греби, по-бабьи...

Горка старался. С непривычки вода забивала в нос и рот. Но купаться приятно. Вода теплая, сколько ни сидишь—не хочется вылезать.

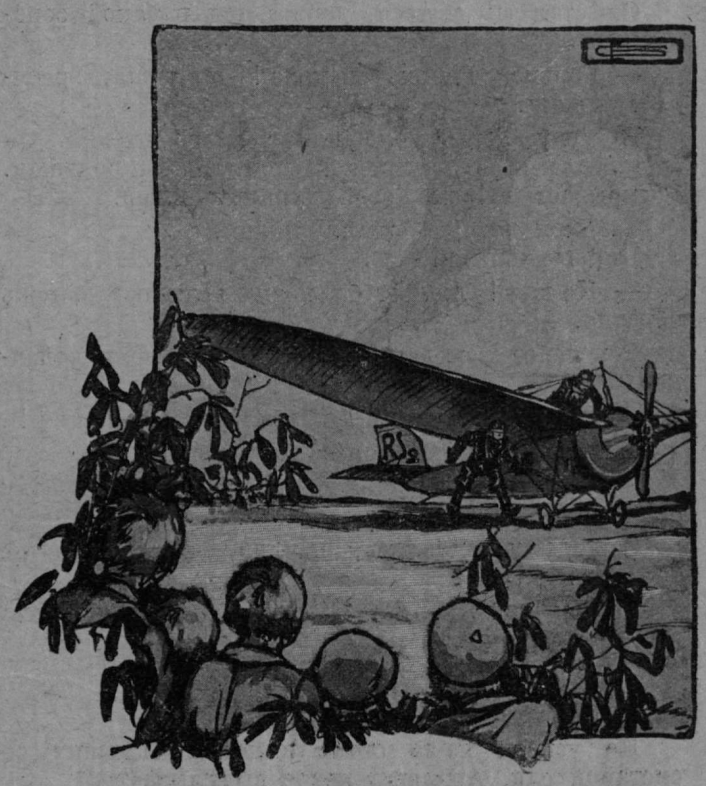
Илюшка посинел, волосы мочалой. Прыгает козлом по берегу на одной ножке, выжимает воду из ушей.

Гора прибежал к отцу босиком, ботинки с чулками в руках.

— Папа! Я научился плавать!—кричит он.

Отец разогнул спину от работы.

— Ну и молодец! Валяй, бегай с ребятами!..

Ребята спорят в кустах. Все видно. Вон вылезают из ящика черные люди. Двое

8. По гнездам

В руку Горы положили теплого птенца

Гора еще не проснулся, а его новые товарищи уже трещали, как воробьи.

— Идем Горька!.. Идем!

Напился молока и на улицу.

— Куда?

— В лес.

Бежали в лес. Каждый хотел показать, похвалиться городскому товарищу что-нибудь.

В лесу прохладнее. Над головой где-то отчаянно кричали птенцы. Стрекотали белые сороки, дрыгая длинными хвостами.

Илюшка полез на дерево. А сороки еще сильней.

— Тут где-нибудь гнездо есть,—об'ясняет Аркашка.

— Ищи, ищи, Илюшка.

Илюшка шуршал на дереве, лопались ветки и падали вниз. Сороки, каркая, бились, кружились над верхушкой дерева. И птенцы, чуя людей еще сильнее надрывались

— Вот она! Нашел!—кричит Илюшка.

— Достань одного!—снизу просит Филин.

Илюшка долго возится.

— Кусаются. Ой!—орет он и палец в рот—щипят...

Он стал спускаться, держа под рубахой сороченка.

— Горьке, Горьке покажи!—окружили ребята Илюшку.

В руку Горы положили теплого птенца. Он еще без перьев, желтый, слепой. Голова большая. Раскрывает широко свой длинный клюв.

— Неси домой,—сказал Филин.

Кирюха против.

— Не надо! Околеет без матки. Илюшка, положь обратно.

Сороченок всю руку и рубаху у Горки запачкал.

— Обтири листьями!—указал Кирюха—на, вот!..

Илюшка обратно полез на дерево.

— Ишь, ты, вонючий какой... И мне на рубаху нагадил...

Сороки успокоились, почуяв, что гнездо не тронули.

Пошли опять к реке. Купались до тех пор, пока животы не подвело.

9. За сусликами

Не успели из-за стола вылезть, окрошку со сметаной ели, Аркашка новое выдумывает:

— Горька, пойдем сусликов ловить.

— Каких сусликов!

Побежали за выгон, к полям, где пшеница начинала колоситься.

— Вот, вон они! указывает Илюшка.

Сусликов сразу не отличишь. Такие же серо-желтые, как песок и глина. Пригляделся Гора, видит суслики сидят на лапках, кругом посматривают.

— Слышишь? Это они свистят.

После, уже издохшего, суслика Горке подарили

Подбегут ребята ближе—они юрк в свою нору.

— Суслик хлеб ест,—говорит Филин,—их всех душить надо.

— Да, душить!—спорит Аркашка,—их сроду и не вытравишь. Гляди, их видимо-невидимо.

Кирюха перебил:

— Брось, ребята, спорить! Надысь я в избе-читальне от учителя слышал, что этих сусликов хорошо удушливым газом вытравливать. Наставить в дыру и пускать. Ты, Горька, знаешь?

— Знаю. От газов люди умирают. Нам в школе рассказывали, как аэропланы бомбы с удушливыми газами сбрасывали. Картины такие показывали. Нужно маску надевать. У моего папы есть маска.

Далеко ушли от деревни. К самой запруде подошли. Филин бадейку с собой захватил. Начали по очереди воду таскать и в нору.

— Ишь ты пропасть какая! Три ведра вылили...

— Лей, лей еще! Сейчас выглянет. Суслики воды боятся.

Илюшка из веревки петлю такую приготовил, обложил отверстие норы. Как высунет голову суслик, так и попался.

— А ты, Горька, не бойся! Лей, лей, Филин! Гляди, вылезает, вылезает.

Из темной норы, царапаясь выглянул, мокрый зверек, моргая глазами.

Ребята враги, а в норе еще страшнее. Захлебнешься.

— Лезет, лезет! Илюха, дергай скорей за веревку!

Задрыгал суслик в петле.

— А, попался!—тащут его. Илюшка—вот какой здоровущий, как кошка..

— Топить его пойдем!

— Постой! Дай Горьке поглядеть!

После, уже издохшего, суслика Горке подарили.

А Кирюху все тянет к аэроплану. Так бы вот и сидеть, да поглядывать, что летчики делают.

— У нас, в городе, аэропланов много,—рассказывает Гора,—а ты Кирюха, автомобиль видел?

Ребята автомобиля не видали.

— Он быстрее лошади в тысячу раз бегает.

— Ну?..

Пришлось Горке рассказывать про город.

— Автомобиль на каждом шагу. Так и носится. Уж не попадайся на дороге...

Удивлялись ребята рассказам Горки.

10. Молоко и сеновал

Мать Кирюхи убралась по двору, ребят позвала.

— Идите, шарамыжники, ужинать, да гостя зовите.

Поставила мать на стол крынку, ребят усадила. Молоко холодное, прямо из погреба. На крынке дрожат и сверкают крупные капли пота.

— А лбы-то что не крестите?—указала мать.

— Вот Горька говорит, что бога нет,—ответил Филин,—он не молится!

Промолчала мать,—гостя не удобно ругать. В большую чашку накрошила хлеба. Потом мать взяла ложку, разболтала застоявшееся молоко и вылила в чашку.

— Ну, хлебайте.

Бойко защелкали деревянные ложки. Матери только приходилось подливать.

— А в Москве много народу живет?—обернулся Кирюха к Горе.

— Мильен! Я с папой ходил на демонстрацию. Вот где народу-то...

— А ты Горька ешь, ешь,—угощала мать гостя,—после расскажешь.

— Я Троцкого видел!—проговорил Гора,—такой сердитый. Черная борода. В очках.

— Он что же теперь заместо Ленинова?—спросила мать, усаживаясь к столу,—этот Троцков! Ну, дохлебывайте, дохлебывайте и вон из-за стола...

— Спасибо тетенька!—ответил Гора и стал вылезать. Кирюха за ним, подтягивая портки.

Уже совсем стемнело. Под сараем стояла скотина и тяжело сопела. Ребята, все вместе спать на сеновал пошли. Темно в сеновале, шуршит сено. Гора ничего не видит.

— Лезь сюда, лезь! — подсаживают его ребята.

Утонули в сене. Пахло полевыми цветами и травами. Надоедливо жужжит комар, все норовит сесть на лицо. Где-то в углу сарая сверчок чирикает.

— У нас сейчас, в Москве, в кино идут, — задумчиво проговорил Гора, — эх, люблю я ходить в кино!

— Это живые картины? — спросил Филин.— Я знаю!

Гора стал рассказывать ребятам про похождения американца и «Черный бамбук».

— И у нас зимой в волости будут показывать. Я слышал от учителя. Пойдем тогда, Кирюха?..—засыпая, спрашивал Филин.

Аркашка с Илюхой, уткнувшись в сено, уже спали. Уснул и Филин. Горька еле ворочая языком, рассказывал про тайну «Черной маски». Наконец, и он затих.

Один Кирюха долго не мог заснуть.

11. Заговор

Летчики собрались вылететь дня через два. Уже все готово, только смазать кое-где нужно.

Кирюха не стал больше бегать с ребятами, сидел на корточках, около аэроплана.

— Пойдем, Кирюшка, в городки играть—тянет его Филин. Но тот отмахивает рукой.

Отвел Кирюха Горку на задний двор. Тихонько от ребят.

— Горька! Возьми меня с собой,—проговорил Кирюха,—возьми... Горька!

Удивился Горка.

— Нельзя. А как же ты от отца и матери? И не пустят тебя.

— Я так. Без спросу...

Нет, Кирюха не спроста говорит. Смотри и глаза у него горят неладно. Недаром он так все присматривался к аэроплану.

— Горька, возьми! Я не боюсь... Я живучий...

Но Горка покачал головой.

— Нет. Мой папа тебя не возьмет,—и начал уговаривать.

Но Кирюха резко отпихнул его рукой.

— Уйди! Я с тобой больше не вожусь. Заяц!

— Нет, я не заяц! Я твой товарищ! Я... я...—закричал Горька.

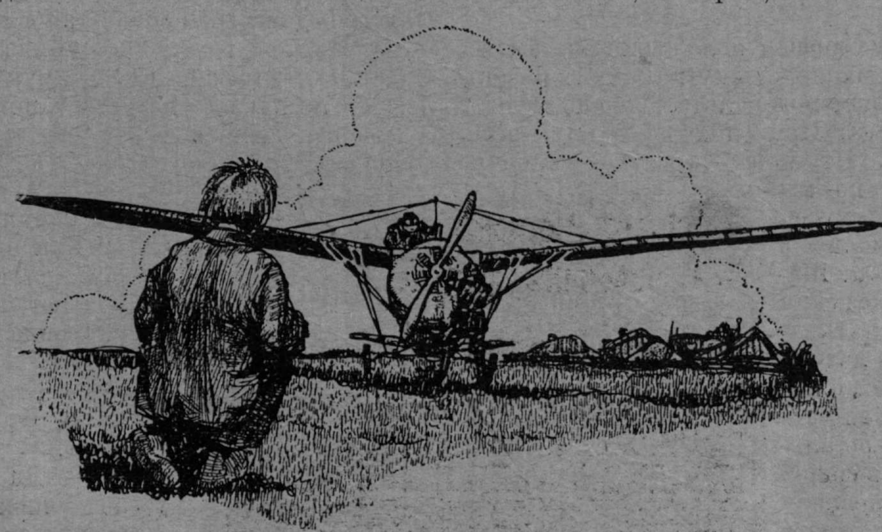
— Не вожусь с тобой! Отстань!

А после, вечером, опять тихонько от ребят долго уговаривались.

— Твой отец не узнает, — просил Кирюха. — Я не покажусь ему. Буду сидеть и не шевелиться. К ночи уговорились.

— Ты будешь черная маска, грабитель, — назвал его Горка,— как в кино показывали. А я буду американец. Ладно?

(Окончание в след. номере)

Кирюха не стал больше бегать с ребятами, сидел на корточках около аэроплана

1905 г. Пожар на Пресне.

В. Костицын

На баррикадах

(Из воспоминаний о декабрьском восстании 1905 г.).

5 декабря состоялась знаменитая конференция московской большевистской организации, на которой вопрос о вооруженном восстании был решен положительно.

Утро 8 декабря уже принесло извещение о всеобщей забастовке и вооруженном восстании.

Моя дружина, состоявшая из трех десятков, находилась в Симонове; мы решили поодиночке перебраться через Замоскворечье в Хамовники, а оттуда итти на Пресню.

Мы пустились в путь попарно. Спокойно перешли через Симоновский мост, никем не охранявшийся, и беспрепятственно дошли до Серпуховской.

Серпуховская была занята солдатами, расставленными почти у каждого дома. Они обыскивали редких прохожих.

Нечего сказать, в хорошем положении мы были: я с браунингом в кармане, а спутник мой, Федор Иванович, с винчестером под пальто. Тем не менее, отступать было некуда. Приходилось итти вперед. Не знаю, помогал ли тут вид веселого шалопая Федора Ивановича, но мы благополучно прошли кусок Серпуховской, свернули в Арменьевский, прошли Шаболовку, Камер-Коллежский вал и очутились на Москва-реке. Перешли ее по льду и еще через четверть часа были уже в общежитии. Мало-помалу сошлись и все остальные, и дружина была в сборе.

Я с Федором Ивановичем поехал в город разыскивать организацию и собирать сведения.

На извозчике, взятом с Серпуховской площади, мы поехали в Хамовники, настойчиво рекомендуя извозчику не ехать мимо Хамовнических казарм, чтобы не потерять ни седоков, ни платы.

— Не беспокойтесь, господа хорошие, я уж знаю, где ехать, с патрулями дело иметь тоже никому неохота.

Едем. И вот мой спутник, вообще никогда не отличавшийся конспиративностью, вдруг начинает обсуждать наши дела.

— Бомб, вот чего нам не хватает!

Я прерываю его и говорю:

— Муку-то нужно продавать скорее, а то дороги пойдут. Привоз будет, и цены упадут.

Едем дальше, под'езжаем к Крымскому мосту. Опять Федора Ивановича тянет за язык:

— И о чем это думала организация?..

— Да,—отвечаю я ему,—муку-то продашь, а дороги-то не пойдут, вот тут и погадай.

Сворачиваем в переулок, и тут опять Федор Иванович заговаривает:

— А что мы будем делать с нашими?

Как вдруг раздается окрик: «стой», и извозчика окружают солдаты: он все-таки ухитрился наехать на казармы.

— Стой, что за люди?

— Что делать? Выручай мука!

— Да мы с Серпуховской по мучной части, а это приказчик мой будет.

— А чего вас в эту пору носит?

Извѣстія Московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ.

№ 5 11 декабря 1905 года. № 5

Московскій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, Комитетъ и Группа Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и Комитетъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ ПОСТАНОВИЛИ: объявить въ Москвѣ со среды, 7 декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное восстаніе.

БОРЬБА РАЗГОРѢЛАСЬ.

— Да как же, днем дело, а здесь в клиниках жена больная.

— Ну, слезай, обыскивать будем!

Но здесь извозчик, боясь потерять седоков, и убежденный моими мучными речами, вдруг вступился:

— Да что вы, солдатики, я их знаю, они на Серпуховской мукой торгуют.

— Дело, стало быть, имеете,—совсем уже дружелюбным тоном обратился ко мне унтер, и нас без затруднений пропустили и даже показали, где проехать, чтобы избегнуть следующих патрулей.

Приехав на М. Царицынскую, я узнал, что дружина не сидела без дела, но дела было немного, и оно было странное. На М. Царицынской была выстроена баррикада. Ожидалось нападение на баррикаду со стороны Девичьего Поля, и дружина, естественно, разместилась «по ту сторону баррикады». И вдруг, оглянувшись назад, В. П. Зачинщиков увидал, что с другого конца М. Царицынской движется рота несвижцев. Он не успел ничего сказать, ничего скомандовать, как солдаты дали залп, после которого все дружинники попадали. К удивлению В. П., ни один не был убит, ни ранен: к еще большему его удивлению, несвижцы не развивали успеха и ретировались. После их ухода был забаррикадирован и другой конец М. Царицынской, чтобы не было неожиданностей.

Ночью противник проявил некоторую активность. Дежурные дружинники заметили, что несколько десятков человек осторожно пробираются к баррикаде и начинают ее разбирать. После небольшой перестрелки нападавшие отступили и больше не возвращались.

Следующий день прошел спокойно, но было ясно, что в этом районе делать нечего. На утро на третий день мы, обсудив положение, решили, что один десяток постарается пройти на Малую Бронную, которая еще оказывала сопротивление, а другой десяток со мною направится на Пресню. И к вечеру этого дня мы были уже на Пресне.

Совершенно своеобразное впечатление производила эта, отрезанная от мира Пресненская республика. Окруженная деревянными баррикадами, — она являлась последним оплотом восстания.

Наслушавшись разговоров о силе пресненских дружин, я был очень удивлен, когда, придя в столовую при Прохоровской мануфактуре, увидел там не больше ста — ста пятидесяти человек, вооруженных самым сборным оружием. Ночь с 15 на 16 декабря прошла более или менее спокойно. Утром принесли очень неприятные вести: было вполне ликвидировано восстание почти везде; сопротивлялся еще Миусский парк. Из Петрограда прибыли войска. Более того, эти войска ужепродвигались к Пресне. День прошел в незначительных перестрелках, при чем особенное озлобление в нас вызывала колокольня Кудринской церкви, откуда какие-то любители стреляли в нас на выбор, когда мы ходили по улицам, или проходили по дворам. Попаданий, насколько помню, не было, но все-таки это раздражало. Я обменял свой браунинг на винтовку и без результата выпустил несколько пуль в колокольню.

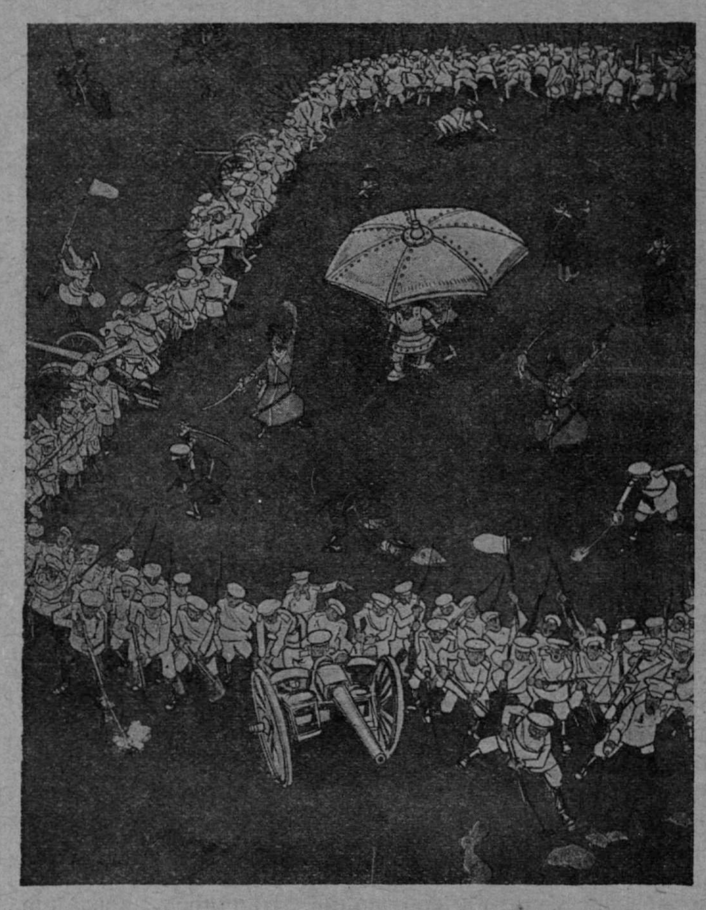
Наступал вечер. Приходившие приносили известия о том, что семеновцы уже стоят на Кудринской площади. Несколько раз по Верхне-Прудовой проскакали казаки, тогда как накануне, когда мы проходили на Пресню, мы решительно никого не видели. Вечером я отправился с двумя дружинниками на разведку за Пресненскую заставу к Камер-Коллежскому валу. Сумрачно выглядывало из мрака сгоревшее здание у заставы. Людей не было. Тревожно лаяли собаки, и лай их, начавшись издали, распространялся и, подхватывался другими и слышался все ближе и ближе. «Слышите—окружают», сказал мне один из дружинников. «Почему вы знаете?»— «А по лаю—собака зря лаять не станет. А может, просто верхним чутьем чувствую».

К ночи мы вернулись обратно.

Едва я напился чаю, как пришел «Горький» и позвал меня на совещание. Началось заседание докладом, который сводился к тому, что теперь Пресня является единственным очагом восстания, и что завтра, повидимому, предстоит решительный натиск. Кто-то поставил вопрос, имеет ли смысл продолжать сопротивление, и не проще ли всем

НА БАРРИКАДАХ. *Картина худ. Владимирова.*

ЦАРЬ ГУЛЯЕТ. *Каррикатурный рисунок из немецкого журнала 1905 г.*

разойтись, не подставляя рабочее население Пресни под удар. На это было отвечено, что слишком поздно— Пресня окружена (таким образом, дружинник был прав), и бой неизбежен. Стали выяснять ресурсы, оказалась главная бедность в патронах. В итоге было принято решение, если позволят обстоятельства, с завтрашнего дня начать эвакуацию Пресни.

Немного погодя, Седой послал меня, Мазурина и еще одного дружинника к баррикаде у Пресненского моста.

Мы пришли туда, сменили и стали прислушиваться. Все было спокойно. Город спал. Изредка вдали раздавались одиночные выстрелы. Когда пришла наша смена, мы отправились спать. Улегся я на скамье в столовой и сейчас же заснул.

Проснулся я от поталкивания в бок. Смотрю, стоит около скамьи Седой и говорит:

— Пора. Глотните стакан чаю, возьмите пяток и отправляйтесь к Пресненскому мосту. Там уже есть пять дружинников, но нужно подкрепление.

Я взял свою винтовку с пятью патронами, и мы отправились. Светало. Над головой был потолок из пуль, которые с пением пролетали по разным направлениям.

Мы вышли на Среднюю Пресню, а оттуда дворами и около заборов, чтобы избегнуть внимания колокольни, пробрались к пресненским баням и к баррикаде у Пресненского моста. Тех пяти, которые нуждались в нашем подкреплении, не было. Разыскивая их, мы поодиночке перебежали на другую сторону Большой Пресни, но и там никого не было. Никого не было и в Волковом переулке. А пули летели над нашими головами и пели. Баррикада стояла на месте и мешала нам видеть, тогда как нас видели с колокольни. Нужно было все-таки отыскать противника, который держался вдали и был для нас недосягаем.

Особенную досаду испытывал Петр Иванович со своим браунингом. Я ему посоветовал итти обратно в столовую.

— Почему?

— А какой толк от твоего браунинга?

— А какой толк от твоих пяти пуль?

Возражение было правильное. Мы разбрелись в поисках мест, откуда противник был бы досягаем и, кажется, в течение нескольких минут истратили свой небольшой запас патронов. Наше оружие превратилось в палки, и делать больше было нечего, тем более, что противник ограничивался обстрелом, не двигаясь ни на один шаг дальше. Мы покинули бесполезные и ненуждавшиеся больше в нас баррикады и вернулись в столовую. Туда же постепенно возвращались и все другие. Нам было рекомендовано стараться в одиночку выбираться с Пресни.

Мы уговорились с Петром Ивановичем искать временного приюта на университетской обсерватории. Он ушел; я несколько задержался. К сожалению, вышла ошибка. Я считал обсерваторией дом с вышкой в конце Средней Пресни. На месте недоразумение выяснилось, но семья рабочего, жившего в подвальчике, предложила мне скрывать меня, пока можно будет выбраться.

Из верхнего этажа, пустовавшего по случаю выезда жильцов, были очень хорошо видны Пресненские пруды и оба моста—Пресненский и Горбатый. По Верхне-Прудовой располагались войска. На Горбатом мосту ставилась артиллерия и подготовлялся последний акт — расправа с обезоруженным врагом. Вскоре заговорили пушки, и бомбардировка беззащитной Прохоровской мануфактуры продолжалась до вечера. Изредка с Нижне-Прудовой доносились одиночные выстрелы, последние выстрелы шмидтовских дружинников, на которые войска отвечали бешеными залпами. Но страх перед безоружной Пресней был так силен, что войска не двигались с мест к баррикадам, которых некому и нечем было защищать.

Вскоре начались пожары на Нижне-Прудовой, и зарево пожара, то затихая, то разгораясь, освещало грохотавшие пушки и молчаливо двигавшуюся прислугу. С наступлением ночи орудийный огонь прекратился, но оружейная перестрелка продолжалась всю ночь.

Утром мой хозяин пошел на разведку и принес известие, что через Горбатый мост выпускают с Пресни публику. Хотя мои хозяева и предлагали укрывать меня дальше, но я предпочел не отсиживаться, а пробраться домой. Сердечно простился я с давшими мне приют людьми, спустился на Нижне-Прудовую и пошел к Горбатому мосту.

Меня обогнало несколько извозчиков, и на одном из них ехал мой товарищ и дружинник П. А. Михайлов. Мои хозяева мне тоже рекомендовали взять

извозчика, говоря, что на извозчике легче пропускают, но я отказался. У Горбатого моста стояла огромная толпа желавших пройти. Ей перегораживали путь два ряда солдат: один—у Нижне-Прудового конца моста, другой—у Верхне-Прудового. За вторым рядом на возвышении размещались офицеры, наблюдавшие за всей операцией и вместе с тем решавшие дела заподозренных. Порядок выхода был такой: каждый, желавший пройти, опрашивался кем-либо из солдат первого ряда и затем с поднятыми вверх руками перебегал ко второму ряду, где его обыскивали и затем пропускали или задерживали.

Сцены были раздирающие. Стояли в очереди старик и старуха, повидимому, муж и жена. Жену пропустили, а мужа задержали, задержали потому, что какой-то штатский что-то шепнул одному из офицеров. Несчастная женщина валялась в ногах и у солдат, и у офицеров. Все было тщетно. Был и такой случай. Человек, прошедший сквозь сито и уже отпущенный, вдруг бросился бежать, вероятно, растерялся от всех пережитых ощущений. По знаку офицера, за ним бросился солдат и всадил ему в спину штык. Тело продолжало лежать.

Наконец, очередь дошла и до меня. Мои об'яснения сразу показались подозрительными опрашивавшему солдату, и он поместил меня в особую группу. Не знаю, долго ли я стоял в ней, но момент был жуткий.

На улицах Москвы в 1905 г.

Вдруг я почувствовал устремленный на меня взгляд. Смотрел один из солдат другого ряда, и во взгляде его чувствовался молчаливый призыв.

Я, не отдавая себе отчета, поднял руки вверх и перебежал расстояние между рядами, направившись прямо к этому солдату. Он велел мне расстегнуть пальто, слегка похлопал по бокам, громко сказал: «Ничего нет, идите,—и тихо прибавил:—«Не торопитесь».

Я тихо пошел, прошел Б. Девятинский, пересек Новинский бульвар и проходным церковным двором вышел прямо к своей квартире, где не был уже две недели.

Из наших окон в Трубниковском переулке была видна Пресня, и когда наступила ночь, она вся осветилась заревом пожара.

Залпы не прекращались до поздней ночи. Мы не могли понять, что там происходит и в кого стреляют семеновцы.

Позже нам стало ясно, что это было торжество победителей, мстивших безоруженым пресненским рабочим за пережитые во время восстания страхи.

Баррикады в Москве на Садовой

Слушай, пионер!

А. Волков

О некоторых качествах пионеров

В наших клубах повсюду висят лозунги: „Пионеры—смена Комсомолу". Мы пионеры, не зря, конечно, выставляем такие слова. Мы все, надевшие красный галстук, твердо решили в будущем стать комсомольцами. Частенько кое-кому даже во сне снится—как тебя торжественно, под музыку, передают в Комсомол, дают комсомольский красный билет и Кимовский значок.

Всякий из пионеров, вероятно, знает, что комсомольцем стать можно не сразу, а только через несколько времени, после подготовки. Но было ошибкой думать, что вся подготовка в Комсомол состоит только в том, чтобы аккуратно ходить на собрания ячейки, да знать устав и историю РЛКСМ. Мало для этого и помощи рабочему клубу. **Нужна работа над самим собой, над своими привычками, мыслями, отношениями друг к другу.**

Хороший топор здорово рубит только тогда, когда он остро отточен. Надо и пионерам отточить себя, отшлифовать, да и закалиться, чтобы потом без устали твердо бороться за новую жизнь. Посмотрим на т.т. Калинина, Зиновьева, Рыкова. Разве они сразу появились на белый свет такими знающими людьми, какими они есть сейчас? Нет, конечно. Они долгие годы упорно, настойчиво работали над собой, чеканили свои мысли, вырабатывали в себе привычку работать по-коммунистически. Даже железные решетки тюрьмы не могли остановить их работы над собой. Знали они, что обработать себя нужно не для красоты, не для самолюбования: „вот, дескать, мы какие хорошие", а для того, чтобы за собой поднять на борьбу за новую жизнь миллионы рабочих и крестьян.

Возьмем часы, висящие на стене. Отчего они неустанно ходят без перебоев? Оттого, что там каждый колесик на своем месте крепко сидит, друг за дружку во-время цепляется. И сделан каждый колесик не из жидкого киселя, а из хорошо закаленной стали.

Каждый из нас, пионеров, должен быть крепким винтиком в общем механизме пионерского отряда.

А что для этого делать надо?

Пионеры и комсомольцы

СЛЕВА: Секретарь ячейки РЛК прикрепляет значок КИМ'а пионерк принятой комсомол.

СПРАВА: Пионеры за работой справочном бюро Рабочего Дворца

Ко молка делает до на собрании со отряда о совм ной работе пионер с комсомольцами.

СЛЕВА и С ВА: Работа пионеров в читальне и иотеке Рабочего Дворца

Прежде всего нужна спайка, сплоченность в звеньях. Это—первое правило звеньевой работы. В одиночку новую жизнь не построишь, сколько ты ни бейся. Чем больше мы всякую работу сообща проводить будем, тем легче жить станет. Спайку в звене нельзя создать, если пионеры награждают друг друга оплеухами ни за что, ни про что, за так, да за милую душу. Спайка вовсе и не заключается в том, чтобы давать друг другу разные прозвища: „эй, ты—Коза-Мозя. Эй, ты—Иван-болван. Эй, ты—Сонечка-длинноносая". Ты-то прозвище дал, посмеялся, а у товарища, ведь, обида от этого. А появилась обида, огорчение, выплывет и сомнение: „раз надо мной смеются, стоит ли работать в звене, не лучше ли уйти из отряда, а перед уходом как-нибудь отплатить за свою обиду". И получается в звене разлад, а за ним и работа останавливается.

Чтобы укрепить спайку, вовсе не нужно и нос задирать и зазнаваться. Бывает иногда, что один пионер на другого кричит: „Что ты мне указываешь—без тебя все знаю". Есть случаи, когда некоторые ребята за все хватаются—„я, я все сделаю". А как дошло до дела—так и в лужу сел. „Я книжку о работе отряда сам напишу,"—хвалился один пионер. Отряд поверил, поручил ему составить описание работы отряда—всезнайка взял, да и уговорил других ребят писать книжку, а сам не смог. Бахвальством работу не одолеешь.

Крепкая спайка означает, что в отряде нет ни одной ссоры, столкновений между мальчиками и девочками. Все—и мальчики, и девочки в отряде равны. И вовсе незачем в работе, в играх мальчикам отделяться от девочек, или как-либо дразнить девчат.

(*Окончание см. стр. 16*)

И. Молчанов

МАШУТКА

Поэма

1. В тупике

В тупике, за Чистыми Прудами,
Есть глухой, заброшенный подвал.
В том подвале—сношенный годами,
Безработный слесарь проживал.

Был подвал—такой, как все подвалы:
Неуютен, холоден и хмур,
И вода частенько протекала
С улицы в нахмуренную тьму.

Жил Аким без дела, без работы.
Без работы—слесарю беда.
И, больною харкая мокротой,
Ждал весны и лучшей доли ждал.

За себя не трусил старый слесарь:
Все равно придется умирать,
Все равно—заброшенный отрез он
В лопухах рабочего двора...

Рано ль, поздно ль, вытянется тело,
А такие—больше не встают...
Нет, душой не за себя болел он—
За Машутку, внучатку свою.

Будет трудно маленькой Машутке:
Как одной ей горе горевать.
Старый слесарь струсил не на шутку:
— Баста! Значит—рано умирать.

Эх, Аким! От фабрики отрезан...
Годы, годы взяли старика.
На пайке на крохотном Собеса
Не находишь жиру на бока.

Как же быть? Единственный, один он.
Ни знакомых нет и ни родных...
У Машутки—в тяжкие годины
Мать с отцом сглодал обжора-тиф.

2. За барабаном

Однажды утром рано
Бурливой, как река,
Колонна с барабаном
Шла мимо тупика.

И был тупик от солнца
И от загара пьян.
И сыпался в оконца
Горохом барабан.

Алели в окнах краски
И красилось лицо,
И красные повязки
Играли кумачом.

Веселые напевы
Лилися, как заря:
„Мы внуки Ильичевы,
Мы дети Октября“...

И радостно, и жутко...
Вопрос, как репа прост:
Секунда—и Машутка
Последней стала в хвост.

И, не смутясь нимало,
С колонною ребят
От деда ушагала
С ребятами в отряд...

3. Едем в лагерь

В отряде нынче весело.
К чему такой галдеж?...
Даешь скорей братве село,
Скорей леса даешь?

Не с бою мы козла берем—
Немного проку в нем.
Сегодня шумным лагерем
За город катанем.

Не радио-любители
Хватают шум морей—
Даешь руководителя,
Экскурсию скорей.

И вот: палатки связаны,
Провизии—гора.
И радостью несказанной
Об'ята детвора.

Ну, ша, братва. Потопали...
Постой!.. А это кто-ж?
Ты чья? Мы что-ль прохлопали...
Постой, братва, не трожь.

Я дедушкина. Машею,
Машуткою зовут...
Теперь хочу быть вашею,
Хочу... остаться тут.

4. Принять—не принять

Стукало молотом
Сердце отряда:
Сердце расколото.

Примем.
Не надо.
Споры короткими были,

Споров строкой не обнять...
Но большинством порешили:
Принять.

5. Горе старого Акима

Третий день Машутки нет.
Не шутка!
Дед Аким горюет: как же быть?
Пропадом—пропала, знать,
Машутка...
Надо в Отделенье заявить.
Чудится и грезится Акиму
Всякая такая ерунда:
Будто бы везут Машутку мимо
Дальние лихие поезда.
Будто бы за дальнею заставой
Свалишься в обрывы—не зевай...
Будто бы... И в самом деле,
право—
Не попала-ль Маша под трамвай?
Третий день Машутки нет...
Не шутка!
Экая напасть! Но, как же быть?..
И Аким о внучке, о Машутке,
Хочет в Отделенье заявить.

6. В Серебряном бору

Далеко шумный город...
Закрыла синий день
Серебряного Бора
Развесистая тень.

Меж стройных сосен—дачи
Белеют там и тут...
Красиво. Не иначе:
Богатые живут.

Богатые? Ну, дудки!
Здесь роскошь не про них!
Ошиблась ты, Машутка,
На выводах своих.

Богатым-то брат, крышка:
Турнули в октябре!
И дачные домишки
Отдали... детворе.

Вон, видишь—дом зеленый,
Где кумачи горят.
Вот в этом самом доме
И будет наш отряд...

7. Сюда бы деда

Песочные дорожки,
Душистые стволы...
Дай, сосенка, немножко
Колючек и смолы.

И трав, и солнца—вволю
И воздуха—гора...
Кузнечиками в поле
Резвится детвора.

Машутка-непоседа
Вьет волосы, как лен...
Ах, вот сюда бы деда,
Вот был бы удивлен!

И мысль катилась с горки—
Спокойна и проста:
Здесь не чета коморке,
Подвалу не чета.

8. Снова дома

Акиму делать нечего:
Машутки не сыскал...
Но вдруг—Машутка вечером
Вернулась в свой подвал.

У деда радость пенится,
Хлобыщет через край:
Так что-ж? Мы значит ленинцы?
Ну, с чем и поздравляем.

В ответ, слова коверкая,
Алея ликом лент:
Дедуся, пионерка я,
А ты вот—е л е м е н т!

Ишь, ты! Ну, ну—бедовая...
Не врешь, и дед не врет.
Ура, брат! Принят снова я
Работать на завод.

Рис. худ. Липгарда

А. Волков

О некоторых качествах пионеров

(Окончание со стр. 13)

Чтобы крепче спайка в звеньях была, можно много способов найти. Полезно бывает время от времени на звене обсудить—какие хорошие и плохие качества имеются у отдельных пионеров и как им вести себя дальше.

Спайка в звеньях ведет к сплочению всего отряда.

Все за одного—один за всех—вот другое правило звеньевой работы. Каждый пионер должен чувствовать в своей работе, и в семье, и на улице, и в школе—что за ним стоит весь отряд, что отряд всегда поддержит пионера в трудную минуту. В этом как раз и заключается большая сила пионеров. Случилась беда с пионером, побили его дома. Звено первое должно узнать об этом и помочь пионеру, ободрить его, развеселить. Ведь, другой раз по лицу человека видно—горе у него или радость. А мы мимо проходим. А, ведь, надо не только работать, но и жить сообща. Было бы хорошо каждому пионеру, хоть изредка, рассказывать, как он живет в семье, что делает.

Перестал пионер ходить в отряд—отец с матерью не пускают. Почему бы здесь всем звеном не пойти к этим родителям и разузнать, в чем дело? Если не пустят звено, обругают пионеров—в газету, но не молчать.

Не ладится у пионера учоба в школе—трудно понимаются разные занятия, нет учебника самого необходимого. Разве здесь пионеры ничего таки не могут сделать?

Увидел пионер, что его товарищ с работой не справляется. Не жди, пока тебя позовут. Иди и сам помоги. Чем скорее каждый из пионеров выполнит свою работу, тем скорее сделает ее все звено. Ведь, работа каждого пионера—это кусочек общей работы.

Тут много могли бы сделать пионеры старшего возраста.

Если муравьи почти всякую работу делают сообща, неужели пионеры не могут сообща помогать друг другу и работать и жить? Конечно, могут.

Уметь находить работу—вот третье правило звеньевой работы.

„Как, нам находить работу?—удивленно вытаращит глаза какой-нибудь пионер.—А на что-ж вожатый отряда“. Конечно, вожатый отряда должен указывать работу пионерам, но все свалить на него—не годится. Мы, пионеры, строим свою работу с помощью комсомольцев, своими руками и своей головой. Не только вожатый должен искать нам работу, но и мы сами должны над этим думать.

Иногда приходится слышать хныканье некоторых пионеров: „неинтересно в отряде, скучно“. Таким пионерам хочется сказать: „Вы, что, милые друзья, отряд за цирк что ли приняли? Пришли, расселись поудобнее—подавай им чего-нибудь веселенького, интересного“. Жизнь в отряде—это вам не представленье в цирке смотреть, да в носу ковырять. Хочется интересного, живого—иди сам на арену, пусти в ход свои мозги, подумай вместе с другими, вместе с вожатыми, что, как сделать работу интересной.

Нельзя ждать, что вот вожатый придет и в кармане веселую работу принесет. Мы не барчуки, за нас нашу работу интересной никто не сделает, если сами не возьмемся.

Надо только пытливыми глазами зорко всмотреться в окружающую жизнь, поискать, где бы можно было развернуть свою пионерскую силушку.

Пусть каждый пионер твердо врежет в свой мозг мысль,—где бы он ни находился, помнить: „а что здесь могли бы сделать пионеры“. Идешь по улице—подумай, „что могло бы здесь сделать звено“. Пришли в музей какой-либо, опять подумай—„что мы, пионеры, могли бы сделать для музея“.

Надо пионерам приучить себя постоянно искать новую работу для звена. Нашу работу—расскажем о ней на звене, на совете отряда и потом приниматься за дело.

Встряхнуться надо, ребятки, оглядеться на себя и понять, что комсомольцем стать—это значит—переделать себя по-новому. Потолкуйте-ка об этом на звеньях, почитайте, как жил и работал Ильич, посоветуйтесь с комсомольцами и смело, уверенно выковывайте из себя будущую стальную Комсомолию.

В. Гребенщиков.

Фотографии Ф. Зубкова

За изучением природы

Северная окраина Москвы — старая Сокольническая роща. У берегов р. Яузы раскинулся своими многочисленными корпусами Госзавод резиновой промышленности «Красный Богатырь». Рядом с заводом в лесу помещается биостанция юных натуралистов имени К. А. Тимирязева. Мелькают красные галстухи и кимовские значки. С раннего утра до ночи—звонкий говор, смех и веселые лица. Юные натуралисты весной и осенью, зимой и летом неутомимо работают, исследуют, изучают природу.

Каждый натуралист знает: много всяких богатств в природе; сумей их только использовать. Много есть и врагов у человека в природе: миллионные армии «червей» — гусениц, личинок разных жуков, мух, тлей и других насекомых-вредителей, которые губят целые леса, поедают рожь на корню, поедают овощи на огороде, губят фруктовые сады; особые малярийные комары—заражают болезнью малярией миллионы людей, мухи разносят всякие заразные болезни. Нужно вести отчаянную борьбу с этими врагами, а для успешной борьбы необходимо изучить жизнь этих врагов.

Каждый день на биостанцию приходят сотни ребят из разных школ, бывают группами и поодиночке много педагогов, приезжают экскурсанты из самых различных концов СССР. Под руководством сотрудников биостанции ребята экскурсанты в лесу, в поле, на огороде, у пруда—учатся исследовать, изучать природу. За год на биостанции бывает свыше 30.000 экскурсантов. Но на коротких экскурсиях не успеешь научиться хорошо исследовать, а тем более не успеешь провести значительную общественно-полезную работу. Для постоянной работы ребят—юных натуралистов—при биостанции есть школа и кружок юных натуралистов. В школе и кружке почти все младшие ребята пионеры, а старшие комсомольцы. Что же делают юные натуралисты? Они учатся бороться с вредителями, учатся улучшать сельское хозяйство, делают различные опыты.

Улучшай сельское хозяйство!

Земли у юных натуралистов совсем немного. Всего несколько десятин Весной все дружно принялись за работу. Из общей площади огорода выделили небольшой участок под опытный огород. На этом участке группа опытников ставила опыты с капустой, картофелем, томатами и другими огородными овощами. Почти во всех опытах ребята ставили себе основной задачей—выбрать самый урожайный лучший сорт картофеля, капусты и др. Обследовали подмосковные крестьянские огороды, говорили с крестьянами, выясняли—какой же сорт капусты чаще других выращивают крестьяне. Посадили у себя на опытном участке много различных сортов капусты. Раньше всех дал кочны сорт «номер первый». Кочны выросли небольшие, но плотные, крепкие и вкусные. Оказалось, что и у многих подмосковных крестьян в большом почете «номер первый»—рано созревает, имеет хороший сбыт на рынке.

Знают ребята, что куда выгоднее выращивать томаты тут же под Москвой, чем привозить их за сотни верст с юга. Земли томатам нужно немного, а урожай они могут давать большой.

Заинтересовались ребята—ведь, если наши подмосковные крестьяне займутся разведением томатов—это может стать большой доходной статьей в крестьянском хозяйстве. Плохо только вызревают томаты в Московской губернии. Первые осенние утренники—заморозки—губят недозрелые томаты.

Посадили на опытном участке несколько сортов томатов и из них выбрали один сорт—самый ранний. Заморозки не помешали дозреть томатам, и растения этого сорта успели дать много зрелых плодов.

На первый год натуралисты-огородники сажали капусту. Да, вот, беда—губила капусту страшная капустная болезнь—кила (болезнь корней). Трудно искусственными мерами бороться с этой болезнью. Обследовали натуралисты и крестьянские огороды. Оказалось, что у многих крестьян кила тоже губит капусту. На опытном участке посадили ребята несколько сортов капусты.

Работа пионеров на биостанции в Москве.
Пионер ухаживает за лисицей.

Большую часть сортов капусты во время роста заразила кила. Часть сортов капусты кила поразила очень мало. Один сорт остался совсем не пораженный килой. Заметили ребята, что этот сорт кило-устойчив (мало заболевает). Сохранили растения этого сорта до будущего года на погребе, и на следующий год получили от этих растений семена килоустойчивого сорта.

Капусту, брюкву, репу, морковь и др. огородные овощи всегда сажают и сеют с весны. Только рожь да ячмень сеют с осени. Рожь озимого посева дает больший урожай, нежели ее посеять с весны. «А почему бы не посеять с осени огородные овощи; может быть они тоже дадут больший урожай?»—явилась мысль у натуралистов-огородников. Заинтересовались, организовали группу озимников и приступили к работе. В мокрую от осенних дождей землю, промерзшую от осенних заморозков, перед самым выпадением снега посеяли ребята семена брюквы, репы, моркови, капусты и др. овощей.

Прошла зима. С весенним теплом начался рост посеянных семян. Часть растений совсем не взошла, другие взошли и вместо овоща дали «стрелку» (цветущее семенное растение), третьи—хорошо взошли и к весне дали большие корнеплоды. Стали опытники сравнивать овощи весеннего посева и озимые. Брюква весит $3^3/_4$ фунта положили на весы самую большую брюкву озимую, смотрят—весит $10^1/_2$ фунтов.

«Ого! Значит стоит и дальше продолжать опыты с озимыми посевами. Хорошие результаты есть».

Осенью, когда все сняли с огорода, натуралисты устроили сельскохозяйственную выставку. Привлекли к участию в выставке крестьян любителей из нескольких сел и деревень. Выставили крестьяне и свои небольшие достижения. Приходили на выставку, очень интересовались работой юных натуралистов, много расспрашивали, решили кое-что применить и у себя в хозяйстве. Натуралисты со многими крестьянами установили постоянное дружеское знакомство для дальнейшей совместной работы по улучшению сельского хозяйства.

Борись с вредителями

Много в природе живет вредителей огорода, сада, леса, полей и лугов. Но приблизительно в нашем народном хозяйстве советского Союза вредители приносят убыток на миллионы рублей. Обследовали натуралисты ближайшие крестьянские огороды обследовали и свой огород. Много насекомых вредителей оказалось на огородах: и «черви», гусеницы бабочек белянок, совок и личинки капустных мух, долгоносики и др. вредители. Как не улучшай сельское хозяйство—без борьбы с вредителями—все равно ничего не выйдет.

Жаркий летний день. Лениво ползут над землей белые громады облаков. Далеко раскинулись крестьянские огороды. Зеленеют длинные ряды капусты. Небольшой группой разбрелись по всему огороду ребята. Сосредоточенно обследуют, осматривают натуралисты каждый кочан. Заносят тут же свои наблюдения и цифры в особой графленой карточке. «Во время не записал—забыл, что видел».

«Нот нужен в каждой исследовательской работе»—вот лозунг каждого юного натуралиста.

Порой мелькнет красный галстух, раздастся звонкий смех, хлесткое замечание и снова все за дело. Заняты, с головой ушли в работу. Пересмотрели сотни кочанов капусты, не забыли обследовать ни одного, подсчитывали вредителей.

Работа пионеров на биостанции в Москве.

Пионер кормит ласок

Пионер кормит медвежонка

Пионер с лисой

Выяснили насколько огород заражен вредителями.

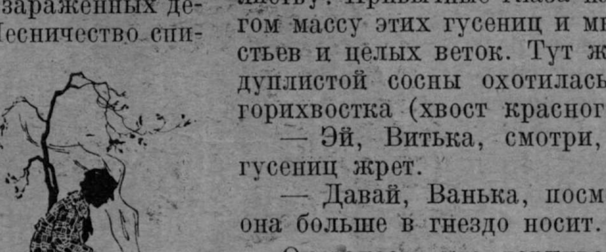
Обследовали огород МОЗО (Московский земельный отдел), зараженность личинками капустной мухи оказалась равной 12,5% (из 100 кочнов заражено 12). Обследовали и огород биостанции. Зараженность оказалась равной 33% (из 100 кочнов заражено 33).

Обследовать огороды, это только половина дела. Провели борьбу и с вредителями. Установили связь со станцией защиты растений от вредителей (СТАЗР'а Наркомзема).

Получили для проведения борьбы особые аппараты—опрыскиватели и опылители. Подвесив за спиной аппараты, дружной компанией двинулись на огороды. Опрыскивали раствором ядов и опыляли известью капусту. Поливали раствором сулемы от личинок капустной мухи каждое растение. На огороде МОЗО, где борьба не проводилась, от личинок капустной мухи погибло 11% капусты (11 кочнов из 100). На огороде биостанции борьба дала хорошие результаты. Погибло только 2,5% капусты.

В Сокольнической роще, среди старых великанов-сосен, все чаще и чаще стали появляться сосны с сухими вершинами и засыхающие ели.

Ребята заинтересовались этим явлением и обследовали сосны и ели. Деревья были сильно поражены вредителями короедами. Ребята небольшим коллективом организовали обследование всех Сокольников, выяснили количество зараженных деревьев и сообщили в лесничество. Лесничество спилило все зараженные деревья—рассадники вредителей короедов.

Привлекай полезных птиц

— И чего это юный натуралист птичками занимается? Совсем бесполезное занятие. Поют хорошо птички, да перышки у них красивые, только и толку,—сказал один городской парень, впервые приехавший на биостанцию.

— Много, видно, ты, брат, понимаешь,—ответили ребята и отправились на экскурсию в лес.

По листве кустарников и деревьев, тут и там всюду ползали жирные черви—гусеницы и об'едали листву. Привычные глаза натуралистов видели кругом массу этих гусениц и много об'еденных ими листьев и целых веток. Тут же, неподалеку, у старой дуплистой сосны охотилась за насекомыми птица, горихвостка (хвост красного цвета, словно горит).

— Эй, Витька, смотри, как она здорово этих гусениц жрет.

— Давай, Ванька, посмотрим, каких насекомых она больше в гнездо носит.

Оказалось, что горихвостка по большей части истребляет этих вредных гусениц. На другой день, с двух часов утра, чуть только забрезжил рассвет, у гнезда горихвостки сидело двое ребят. У одного

парнишки в руках часы, у другого блок-нот и карандаш.

Изредка переговариваются еле слышным шопотом.

— Записывай, опять прилетел с кормом.

— Сколько время?

— Три часа 12 минут.

— Есть.

Сизые полосы утреннего тумана ползут между деревьями. Пробивает легкая дрожь. В лесу запели птицы. Через два часа ребят сменили другие двое, еще через два—новая двойка, и так целые сутки.

Свои наблюдения ребята записали на большом плакате, и плакат повесили на выставке кружка. Плакат гласил:

«Летом пара горихвостков приносят к своим птенцам каждые три минуты по насекомому, в сутки 360 насекомых. Горихвостки кормят птенцов в гнезде 13—15 дней и за это время горихвостки принесут птенцам 5.040 насекомых».

С усмешкой вспоминали ребята слова городского парня: «Бесполезное занятие—птички».

Ребята развесили в окрестностях биостанции много искусственных гнезд дуплянок и скворечниц. Полезные птицы охотно поселились в этих гнездах.

Натуралисты биостанции агитируют по школам и другим кружкам юных натуралистов за привлечение полезных птиц, за развешивание в садах искусственных гнезд.

Звероводство

На берегу реки Яузы, на скате прибрежного холма, голубым деревянным высоким забором огорожен небольшой участок. На двери надпись:

«Лисятник БЮН (Биостанция Юных Натуралистов)».

Участок распланирован на несколько отделений. Отделение ограждено высоким забором из мелкой проволочной сетки. В лисятнике живут три пары лисиц и одна пара песцов, привезенных с Новой Земли. В одном из отделений живет молодой ручной волк Лобо. За лисицами наблюдают и ухаживают ребята натуралисты.

Хорошие лисьи шкуры (особенно чернобурых лисиц) высоко ценятся. Задача лисятника биостанции—научиться разводить лисиц в неволе и заинтересовать этим делом общественные организации и передовых промышленников. Затрачивать на это дело борьшое количество денег очень невыгодно. Нужно добиться разведения лисиц с небольшими средствами. Сделать это мы можем путем приручения лисиц.

Особенно интересуется этим делом пионер Ванюшка. Его лисицы знают превосходно и не боятся.

Принес Ванюшка в миске корм. Боязливые осторожные песцы, изогнувшись, крадучись, медленно подходят к миске. Ручная лисица Лизка трется об ноги и визжит. Большой серый волк Лобо, который способен на воле рвать в клочья гончих собак, прыгает перед Ванюшкой, ласково вертит хвостом и играет, как маленький щенок.

В саду биостанции под открытым небом живут два молодых медведя. Одного из медведей принес на Биостанцию, используя минуты отдыха, Николай Иванович Бухарин, другого медведя привезла Клара Цеткин.

Сбор капусты с пионерского огорода

Медвежата выросли в здоровых больших медведей. Приходящие на биостанцию ребята из школ очень любят бывать у лохматых неуклюжих мишек. Медведи с возрастом постепенно дичают и даже пионеру Ванюшке, которого они очень хорошо знают и всегда слушаются, уже не один раз попадало дружеской медвежьей лапой по физиономии.

По примеру натуралистов биостанции сейчас работают около 300 кружков юных натуралистов.

По приблизительному подсчету число юных натуралистов по всему СССР в настоящее время перевалило за 15.000.

Школа для горских ребят

В ауле Кумтор-Кале, в 30 верстах от Махач-Калы, открылась школа I ступени для детей горцев.

Накануне открытия школы из каждого отряда города выделили по 5 делегатов для участия в открытии школы. На другой день собрались все делегаты—40 человек, прихватили духовой оркестр и двинулись на станцию. Скоро город остался позади. По одну сторону поезда на горизонте поднимались горы, по другую было видно море. Проехали 2 станции; стали видны громадные песчаные холмы, и горы как бы приблизились к нам. Солнце светит ярко, пионеры выглядывают из окон.

Наконец, поезд останавливается, и под звуки марша мы направляемся в аул. В ста саженях от станции на горе лепится он.

Переходим около аула почти пересохшее русло речки,—только посредине бежит в поларшина глубиной ручеек. Поднимаемся по крутой тропинке вверх. Навстречу нам выходит аульский отряд; вместе с ним направляемся по узким улицам в школу. Пока располагаемся немножко отдохнуть, знакомимся с аульскими пионерами.

Наконец, открывается торжественное заседание. Выступают представители с пожеланиями новой школе, сравнивают теперешние школы и школы старые, вспоминают невежество, в котором пребывали горцы до революции.

После заседания демонстрировали по аулу, и почти все население аула вышло посмотреть.

Только возвратились в школу, как пошел большой дождь. Через несколько времени с гор побежали ручейки и наполнили речку грязной быстрой водой. Перейти стало невозможно. Пришлось ждать до вечера, так как близко моста не было.

Вечером перешли речку вброд. Наконец мы пришли на станцию через несколько времени, принесли из аула ужин—борщ и чурек. После ужина бегали по песчаным холмам, в ожидании опоздавшего поезда, и поздней ночью вернулись домой.

Пионер 21-го отряда **В. Есейкин.**

г. Махач-Кала.

Ну-ка, посмотрите, что это за штука,
Там вот у колодца хитрая наука.
Васька октябренок, мокрый весь от пота,
С гордым, важным взглядом мастерит там что-то.

Винтики, катушки, чинит, прикрепляет,
Говорят мальчишки,—«Радио справляет».
А вокруг мальчишек куча набралася:
«Что это такое, расскажи нам Вася».

Вася тут поднялся (строг стал, как полковник)
«Это, говорит он, радиоприемник!
Слышны в нем все речи, громко и понятно,
Музыку и песни повторяет внятно».

Говорил так Вася с гордым, важным взглядом
Затихли мальчишки, что стояли рядом...
Через две недели к Васиной избушке,
Прибежали дети, тетушки, старушки.

Вася шалунишка тетушке Марфуше
Радио-приемник взял одел на уши.
Радио-концерты тетка услыхала,
Но не испугалась, и не побежала.

Слушали все долго и концерты, речи,
Даже тетка Марья прибежала с печи.
Долго не забудут этот день ребята,
Ну, не молодцы ли радио-зайчаты?

Пионер Харик.

Где добывается ртуть

(Пионерская экскурсия)

Много деревянных построек. Громадные кучи камня. Дыма почти нет. Все это окружено постройками, где живут рабочие. Это ртутный рудник—единственный в СССР. Между грудами камня подходим к зданию, где ходит клеть, подымая из-под земли камень, в котором отдельными красными точечками видна киноварь, т.-е. соединение ртути с серой. Камень добывается на глубине 41 сажени. На вагонетках камень перевозят во второе здание, где он раздробляется в более мелкий, а оттуда попадает в особые печи.

Кокс горит, ртуть как жидкий металл испаряется, сера сгорает, остается камень, который выкидывается, а ртуть, уже газообразная, попадает в трубы, по которым попадает в холодильник, т.-е. в трубки, на которые падает вода. Там охлаждается — превращается в жидкую, какою и употребляется.

— А сколько ее добывают в день?—спрашивают ребята.

— А вредная ли работа?—интересуются ребята.

Руководитель отвечает: В день ртути добывается 17 пудов; из 100 пудов камня, поднятого из шахты, добывается около 20 фунтов.

Работа в руднике очень вредная, поэтому рабочие завязывают лицо платками.

Ребята ушли с рудника радостные, что узнали, как добывается ртуть, и с гордостью, что побывали на руднике единственном в СССР.

Пионер **Борис Якубовский.**

Ст. Льгов, Донецкой дороги, Льговского у., Курской губ.

ИЛИ

как не нужно быть деткором

1

Пионер всегда готов.

Об этом подумал я в тот момент, когда вечерние тени набежали на село Щербатое и под покровом этих теней прокрались четыре пионера.

Вот, подумал я, что значит здоровая смена смене растет. Всякая, с позволения сказать, курица спит, каждое животное к своему месту определено, а смена смене не спит и по своим делам бегает.

И взяло меня умиление. И пошел я вслед за сознательной сменой смены. Узнать бы, куда они в такую темноту держат бесстрашный путь.

2

Ты заходи сзаду, а то она на окне занавеску присобачила. А сзаду я ножом щель проковырял, — прошипел один из пионеров.

— Ладно.

— Да тише вы, черти, а то спугнем.

— Не иначе, как контру какую-нибудь обнаружили, — подумал я, прикурнув под плетнем.

— Ну, что—послышался тихий вопрос.

— Сидит.

— Сидит. А что делает?

— Читает.

— Не видать, чего читает-то?

— Не видать. Видно только, что в желтой обложке книжка-то.

— В желтой? Эге-ге. Значит книжка из желтого Интернационала, так и запишем.

— Тсс... Кто-то идет.

Пионеры мои прижались к стенам избушки и сердце мое болезненно сжалось: как рискуют ребятишки. Вот какая бесстрашная смена.

Из темноты вынырнул какой-то черный силуэт, высморкался так, что у меня мороз подрал по коже и вошел в избу.

Пионеры ожили.

— Гляди теперь в оба. Теперь-то мы ее поймаем, — прохрипел сдавленный голос.

— Ну что?

— Поздоровкались.

— За руку?

— За руку.

— Так и запишем. Поздоровкались за руку... Теперь что делают?

— Сели.

— Руку-то он отпустил?

— Не-е. Держит.

— Держит. Так и запишем.

— Книгу она ему показывает.

— Желтую?

— Желтую.

— Так и запишем: и показывает книги желтого Интернационала.

— Эх, подумал я про себя, эх, ты, старый чекист, куда ты годишься против юных следопытов. Вот они как выслеживают и на мушку берут гидру контр-революции.

Вдруг неожиданно распахнулась дверь, показались два силуэта.

— Досвиданья, Сверчков.

— Прощевай, Маня.

Я вздрогнул...

— Неужели,—подумал я, так как в женском голосе узнал голос вожатой местного отряда пионеров, а в мужском басе—голос предсельсовета.

— Неужели даже в наших рядах свивает себе гнездо контр-революция? Подавленный всем виденным, я зашагал домой.

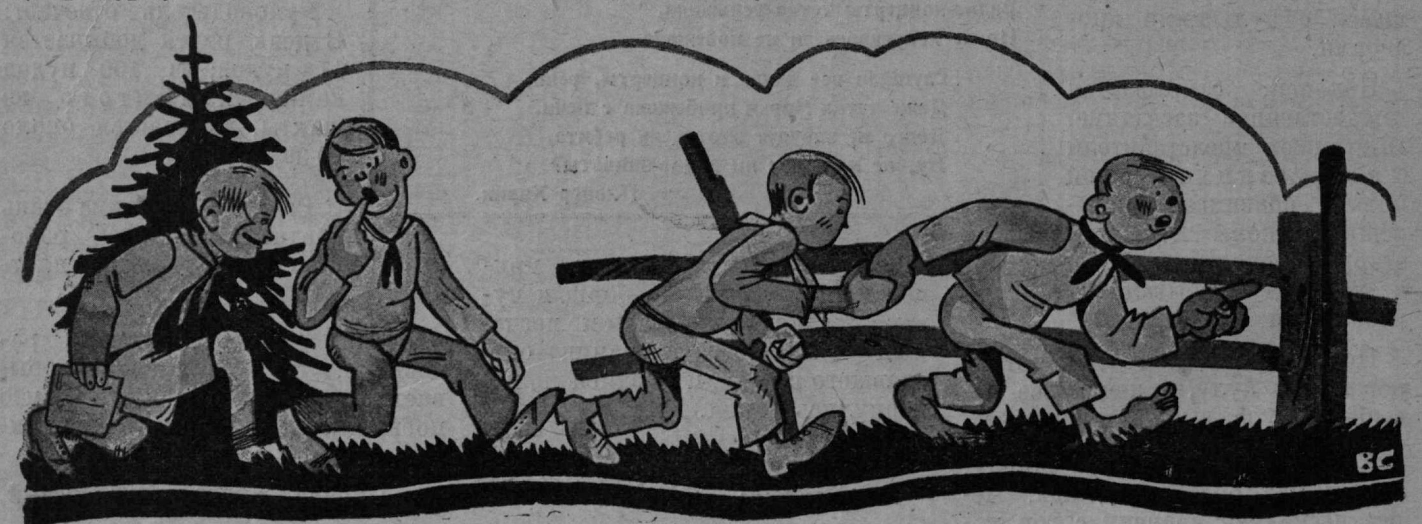
3

Через неделю ко мне заявился пионер Пашка. Был он мрачен и сосредоточен. Угрюмо поздоровался и угрюмо сел в угол.

— Я слышал, что ты уезжаешь в Москву?—спросил он.

— Да,—ответил я.

— Так вот тебе пакет. Возьми ты этот пакет и храни его и отвези в редакцию «Пионера». В нем вся наша судьба.

Под покровом этих теней прокрались четыре пионера

Чувствуя, что в пакете кроется загадка того, что я видел неделю тому назад, я принял пакет обеими руками и, бережно обернув его в платок, положил за пазуху.

— Будь покойна, смена-смене, сказал я:— я отвезу этот пакет в целости и сохранности. Служить пионерам всегда готов.

4

Секретарь «Пионера» принял от меня пакет, вскрыл его и начал читать. Сначала он читал спокойно, но потом брови его полезли на лоб, глаза вытаращились, рот раскрылся и из него вылетел такой хохот, подобного которому я ни разу в жизни не слышал.

Секретарь выл, корчился, ложился животом на стол, плакал, икал и задыхался от невероятного хохота.

Так и запишем: и показывает книги желтого Интернационала

Письмом овладел редактор и, не дочитав до середины, свалился на стул, разинув рот и вытаращив глаза. Тогда взял письмо я и прочел следующее:

«Дорогой товарищ Пионер, как значит ты находишься рядом с ЦК, то доведи ты до сведения Чаплина, Сталина и самого Коммунистического Интернационала, что у нас в селе Щербатом пионеры угнетаются через вожатого Маньку Козлову, которая промежду прочим даже не вожатый, а форменная желтая контра.

Самоотверженной слежкой в течение десяти вечеров, нами, четырьмя пионерами установлено, что этот позор революции—Манька Козлова неоднократно принимала у себя на квартире и здоровалась за руку (что есть нарушение нового быта) с председателем Сельсовета, несознательным Сверчковым. Этого же Сверчкова она снабжала книжками желтого содержания, что видно из ихних меньшевистских обложек. Одна из книг героем труда пионером Пашкой была выкрадена и на ней было написано: «Куда идут социал-демократы». Автора мы разглядеть не успели, но видно из самого названия, что он—меньшевик.

Эта самая Манька даже поила Сверчкова чаем с сахаром и тем самым устраивала буржуазный уют и развращение.

Герой революции Пашка, сидя в печной трубе, подслушал такой разговор:

— Кооперация у нас плохо работает,—сказала буржуазная Манька.

— Да,—сказал несознательный Сверчков.

Разве это не контра?

И вот за то, что мы разоблачили такой заговор и за то, что мы в своей стенгазете сказали в заметке (под заглавием: «Вот не ожидали») всю правду перед лицом рабочего класса—нас исключили из отряда. Сказали, что мы, мол, не делом занимаемся.

Дорогой, товарищ Пионер? Скажи свое веское слово, одерни зарвавшихся контров. Скажи в ЦК самому Сталину, что мы боролись честно и что нам за разоблачение надо дать ордена Красного Знамени, а не исключать из отряда. И в Коминтерне, товарищ Пионер, скажи то же самое.

Павел Мухин

Сергей Тимохин

Василий Дубинин

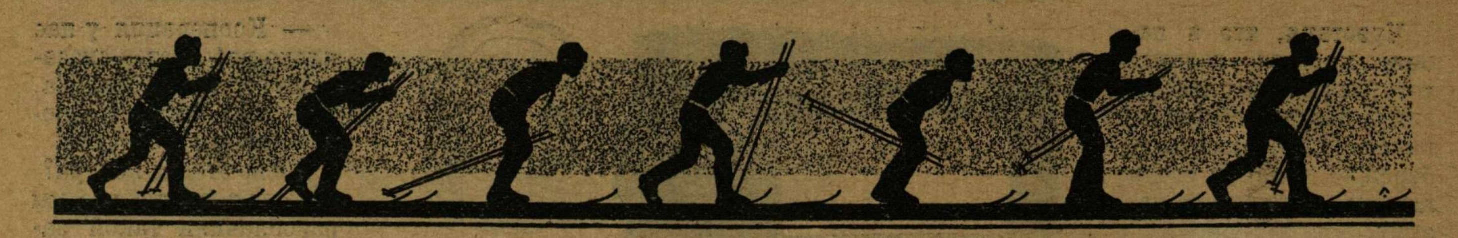
Алексей Глупцов.»

Редактор, наконец, отдышался, взял письмо и написал на уголке резолюцию:

«Ответить: так вам и надо. Следите за собственными мозгами, а не за всякой ерундой».

Секретарь выл, корчился

Актан

Отрядная вылазка на лыжах

Отряд юных ленинцев в воскресные и праздничные дни может делать прекрасные лыжные походы. С раннего утра пионеры, собравшись в клубе, отправляются за город. В заспинных мешках или на салазках захватывается продовольствие и литература, если отряд думает побывать в деревне. Зиму пионерам следует использовать для посещения деревни по праздникам. Зимой крестьяне свободны и могут с большим вниманием выслушать выступление пионерского отряда на текущие темы. Но для отрядных вылазок нужно, чтобы весь отряд умел ходить на лыжах, чтобы пионеры могли пройти 10—15 километров, отделяющих город от деревни. Для этого первые вылазки отряда надо посвятить обучению. Предварительно в клубе отряд должен позаниматься гимнастическими упражнениями, подготовляющими к ходьбе на лыжах. Общие гимнастические упражнения укрепляют организм вообще. Для изучения же лыжного хода есть специальные, подготовительные упражнения. Эти упражнения надо составлять вожатым отрядов и звеньев из следующих элементов: приседание, подпрыгивание на носках, вставание на наружные края обоих ступней, тоже на внутренние, хождение по рельсу, бревну для упражнений в равновесии. Стояние на одной ноге и раскачивание другой вперед и назад с руками, распростертыми в стороны и положенными на бедра. Упражнения на перенесение центра тяжести — ходьба с согнутыми коленями, тоже—с подниманием рук вперед и при шаге—опускание вниз и откидывание назад, как подготовительное для работы палками. Лыжный курс «на суше» (взят мною из руководства Л. Геркана) очень может помочь обучению отряда на снегу. Для прохождения упражнений нужны лыжи и палки.

Отряд выстраивается в зале клуба с лыжами у правого плеча и с палками в левой руке. Лыжи должны быть сложены вместе и носок одной должен быть продет в ремень другой лыжи. Палки тоже должны быть сложены. Одна из палок продевается в кольцо другой. По команде пионеры разбирают и складывают лыжи и палки. После команды «на лыжи», все кладут лыжи на пол, вынимают верхнюю из ремня нижней и укладывают рядом на ширину двух ступней. Становятся на лыжи и пригоняют ремни по ноге; потом разбираются палки, и пионеры становятся в стойку, держа в руках по палке. По команде же пионеры должны выдвинуть вперед одну ногу и опереться на обе ноги, для чего колени должны быть немного согнуты и корпус наклонен вперед. В зале же упражняются в падении, сгибая колени и валясь в сторону, не подставляя локтя и убирая голову в плечи. Потом изучаются повороты, и один за другим пионеры повторяют движение, стараясь, как можно больше сделать занос лыжи в сторону и как можно меньше сделать движений для полного поворота.

Если такая подготовка проведена, то обучение на снегу значительно облегчается. На снегу отряд строится в шеренгу и по команде одевает лыжи. Так же по сигналу «вперед» — начинают двигаться вперед. Для похода следует строить отряд в две шеренги и пускать вперед двумя колоннами по сторонам дороги, а вожатому и помощнику итти в середине.

При таком движении виден весь отряд, и сзади идущему вожатому легко помочь застрявшему пионеру. Когда отряд выучится ходить на лыжах, можно устраивать на прогулках игры. Для игр, правда, надо совсем храбро стоять на лыжах. Но три-четыре предварительных похода дадут возможность отряду освоиться с лыжами. На лыжных прогулках и вылазках отряда часто происходят небольшие несчастия вроде отмораживаний.

Вот почему нелишне знать, что делать при несчастных случаях.

Основное несчастие на прогулке, это отмораживание. При сильном ветре и морозе легко обморозить нос и щеки. Для предупреждения обмораживания, следует изредка потирать рукавицей лицо, разгоняя кровь. Но если уже отморозили, то надо быстро принимать меры. Отмораживание выражается сильным побелением, резко граничащим с неотмороженной частью. Чувствуется похолодание. Отмороженная часть тела не чувствительна, когда до нее дотрагиваешься. На прогулках следует спрашивать у товарищей, не побелел ли нос или уши, если чувствуете покалывание. Отмороженное место надо сейчас же начать оттирать снегом. Тереть надо тихонько, так как мороженное тело очень нежно и хрупко.

Снег надо выбирать чистый и мягкий. Тереть приходится до тех пор, пока мороженное место не покраснеет и не потеплеет, после чего его надо смазать жиром. В лыжную прогулку, в морозы, надо захватывать баночку с салом. Лучшим жиром будет гусиное сало, затем—свиное и потом вазелин. Отмороженное место может вторично замерзнуть очень легко, поэтому его надо закрыть или завязать. При сильных обмораживаниях, например, пальцев ног и рук надо быть очень осторожным. Замороженные пальцы могут легко сломаться. Вносить или вводить мороженного в теплое помещение нельзя. Надо предварительно оттереть на улице или в сенях, а потом уже постепенно ввести в теплое помещение и напоить чаем.

При катании и неосторожном падении или подвертывании ноги, можно растянуть ладыжку. Это очень болезненное повреждение. Надо сейчас же снять обувь; если туго снимается, разрезать. Надо дать полный покой больной ноге, ни в коем случае не становиться на нее. Растянутый сустав сейчас же вспухнет. На опухоль надо положить холодный компресс. Пострадавший не сможет итти; его надо довезти до дома на лыжах. Для этого две лыжи надо связать вместе и, постелив на них пиджак или что нибудь из одежды, положить больного и тихонько везти. По приходе в клуб или домой, следует вызвать врача, если нога сильно распухнет.

При переходе через реки при тонком льде, покрытом снегом, может случиться несчастие. Если вы предполагаете, что лед недостаточно крепок, что бывает ранней зимой и ближе к весне,—лучше испытать его прочность. Вообще говоря, лыжник более, чем конькобежец, застрахован от проваливания под лед. Лыжи, благодаря своей длине, распределяют тяжесть на большую площадь. Но около быстрых и холодных ключей лед часто не выдерживает и лыжника. Если кто-нибудь провалился, надо немедленно действовать. Несколько лыж надо пододвинуть к крепкому краю образовавшейся полыньи и плашмя подползти лежа на лыжах. Провалившемуся надо протянуть палку или лыжу, чтобы он мог за нее ухватиться. Когда он уцепится за протянутую палку, надо тихо тянуть его к себе. Хорошо, когда лыжи, на которых лежит помогающий выбраться провалившемуся, держат и тянут от полыньи. Края льда обычно легко ломаются, поэтому нужна осторожность. Как только провалившегося удастся вытащить, сейчас же надо его раздеть. Надо поснимать с сухих товарищей часть их одежды, надеть на пострадавшего фуфайку, чьи нибудь, хотя бы нижние брюки, и т. п. Как только мокрая одежда будет снята, надо заставить пострадавшего двигаться—пусть он бегает. Дайте ему свои лыжи и гоните его полным ходом к ближайшему дому, где бы можно было согреться и высушиться. Не заболеть в таких случаях можно только при условии, если сейчас же по вылезании из воды начать бегать и двигаться до тех пор, пока не вспотеете. Способ спасания провалившихся под лед надо особенно хорошо знать пионерам, так как они и их приятели—особенные любители покататься на ногах на только что замерзшем пруду. Эти приемы надо знать и всякому катающемуся на коньках.

Ответы деткорам

В. Конышеву (Ташкент)—Статья «Пионерское движение Азии» нам неинтересна, это информация для ЦБ, нам нужны заметки, ярко дающие кусок жизни, быта, работы. Не пойдет.

Белову и Осипову (Москва)—Что делать, ребята, не у одних вас нет клуба. даже вожатых нехватает, барабанов нет, неужели из-за этого и отряды не нужно создавать. Старайтесь, добивайтесь, а заметку об этом поместите в стенгазету.

Начинающим юнкорам (Алексеевка, Брянской губ.)—Может быть, вы правы, но мы не имеем возможности проверить плохого вожатого, пошлите заметку в местную губернскую газету пионеров.

Борису Якубовскому и Вал. Собакину (ст. Льгов)—Заметки об экскурсиях используем. Жаль, не прислали фотографий. Было бы интересней.

Владимиру Калфаяну (Белая Калитва, Сев. Кавказ)—Подходит зима и учеба, нужны заметки о школе; ты и пишешь, но как:

«Кончилось лето, прощайте поля.. Здравствуй, зима, ты нам не страшна. За лето мы приготовились тебя встретить. Ты идешь? Ну, что-ж! Мы ждем, мы готовы!

Что это—заметка или стихотворение в прозе?

Не пойдет, заметки нужны, конечно, не сухие, но более деловые. Часть вопросов поместим.

Киму Серебряному (Екатеринослав)—Заметка «Показательный суд» содержательна, но неинтересно написана. Статья о школе не годится, давай лучше пример, работу, а не рассуждения. Тоже Э. Дворкину (Верхнеудинск).

Часть материалов о школе и о Красной армии используем. О лагерях шли, но пойти они могут только к весне.

Л. Цивилингу (Москва)—Рассказ написан неинтересно. Тяп-ляп и корабль. Поехал бедняк Васька в Москву, тут же к нему пионер—не хотите-ль, мол, пионером быть? «Хочу»—ответил Васька, Сейчас же таз, мыло, одели, обули, напоили, накормили, и зажил Васька припеваючи. На самом деле так не бывает. Не пойдет.

Анат. Шумилову (Онгудай, Ойратской области)—**Я. и С. Стали** (Казань), **П. Долинину** (с. Варнавино). **Кружку юнкоров** (Гайсин)—заметки запоздали.

А. Пособилову и Б. Черненко (Сухум)—Заметка о прибытии эскадры написана общими фразами. Мало интересна, не пойдет. Самому сделать фотографический аппарат довольно затруднительно. Это не радио-приемник и никакой «мастер на все руки» этому научить не возьмется.

Серебрянскому отряду пионеров. Пишете о невысылке журнала и просите расследовать, а не указываете ни номера квитанции подписки, ни подробного адреса. Многие другие тоже так «запрашивают». Так нельзя. Нужно точно указывать адрес и № квитанции подписки.

И. Блинштейну, В. Прядильщикову (г. Визинга), **В. Перезолову, В. Сысоеву** (Углич), **А. Майорову** (Ростов Ярославский), **Ситдикову** (Туркменистан), **Шурику** (Нытва), **Пикорке** «Свобода» (Оренбург), **Н. Струеву** (с. Петропавловское), **Лидии Бариной** (Дальний Восток), **Л. Тумаркину** (Полоцк), **Супрунову** (Алтай), **Х. Ахтямову и Л. Валиеву** (Москва) **Мише и Сереже** (Камишин)—ваши заметки для редакции интересны, но таких много, и все печатать мало интересно, да и нет места в журнале.

Серафиму Федорову (Моршанск)—Заметка о фабзайцах скучна. Перечисляешь очень сухо «Пообедавши идут в школу... в 7 час. ужин, в 9 спать».

Нужно дать яркую картинку, а такое описание не дает представления о жизни фабзайцев. «Элегия—Ленину» для журнала неинтересна. Ее хорошо сыграть в кругу друзей—не больше.

Г. Скворцову (г. Краснослободск)—Заметка передана в научно-популярный и приключенческий журнал для детей «Знание – сила», который будет выходить с января 1926 г.

В. Есейк ну (г. Махач-Кала) Заметка о медосвидетельствовании годна для местной стенгазеты. Об открытии школы, подсократив, возможно используем.

В. Аляkритскому—Соседову (Сормово)—Статьи, как руководящие, не пойдут. Пишите лучше заметки, на фактах, на примерах показывая, как нужно работать.

ЛОГОГРИФ
(Л. Волкова).

С Т-орудие военное.
С Б-финансовое учреждение.

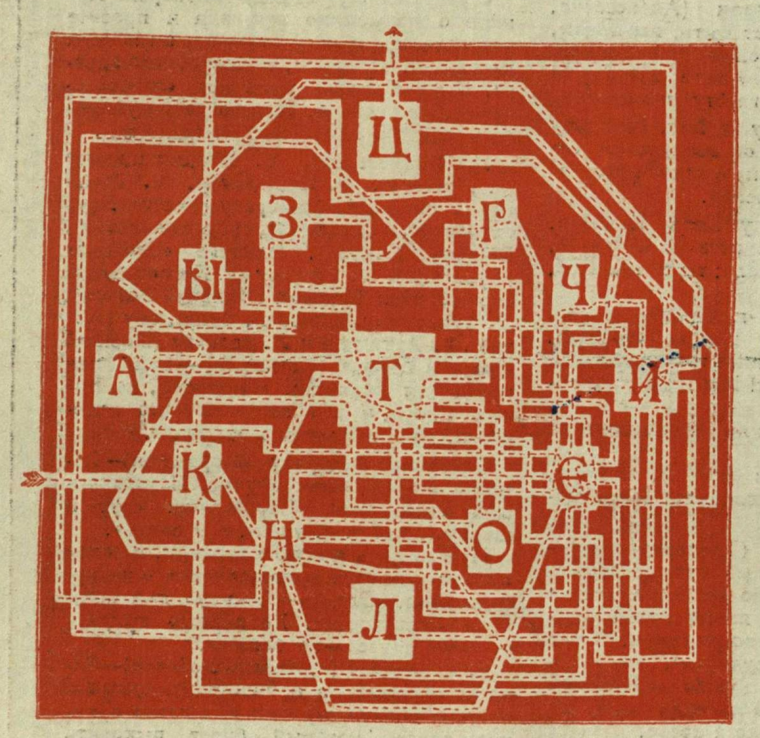
ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО.
(В. Калфаян).

В редакции получено письмо, на котором было написано:

ч ь с о о о о а з а о
я и в т р т д з г л

Помогите, товарищи, расшифровать его.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ № 7.

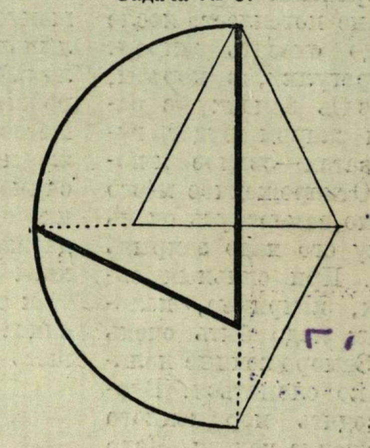

Пунктиром обозначен путь, по которому надо итти.

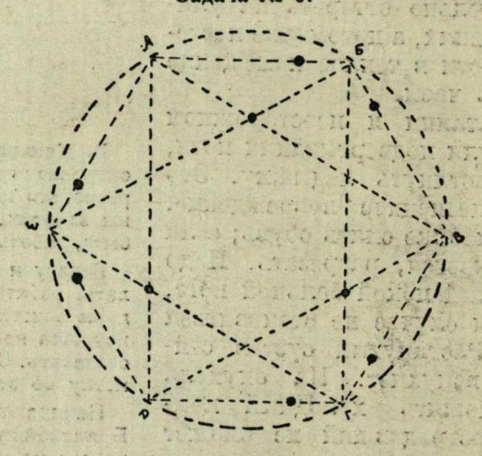
Пройдя по условию задачи все комнаты и коридоры мы читаем лозунг: **«Кто не читает газеты и книги, тот не ленинец»**.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ помещенных в № 17.

Задача № 5.

Задача № 6.

Правильные решения задач №№ 5 и 7 прислали:

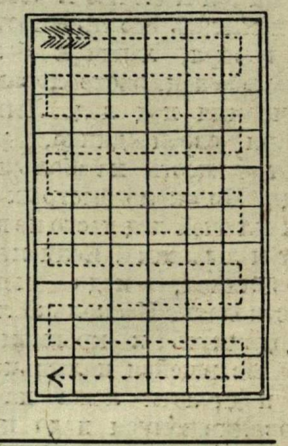
Задачи № 5. Смирнов К., Ухов Н.

Задачи № 7. Егоров А., Селезнева Е., Селезнев Н., Шахов М.

ЗАДАЧА БУКВ.

Даны буквы: 8 а, 2 в, 1 д, 5 е, 1 п, 1 й, 7 к, 2 л, 4 н, 8 о, 1 н, 4 р, 3 с, 3 т, 3 у, 1 ч, 2 ы, 1 я, 1 ь.

Предлагается их разложить в данном прямоугольнике так, чтобы при чтении в направлении ломаной стрелки получились следующие слова: 1) часть огнестрельного оружия, 2) часть лица, 3) лакомство, 4) постельная принадлежность, 5) сок мака, 6) род экипажа, 7) часть лица, 8) цветок, 9) литовский город, 10) принадлежность музыканта, 11) что необходимо иметь в каждой семье, 12) принадлежность садовника, 13) речное животное.

Первая и последняя строка при чтении сверху вниз должны дать лозунг.

Какие это слова и лозунг?

РЕДКОЛЛЕГИЯ: *А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Е. Теремякина.*

ОТВ. РЕДАКТОР *Х. ДОБИН*

Главлит № 48713. 5-я тип. „Транспечати“ НКПС „Пролетарское Слово“, Южный пер., д. 4. Тираж 20.000.